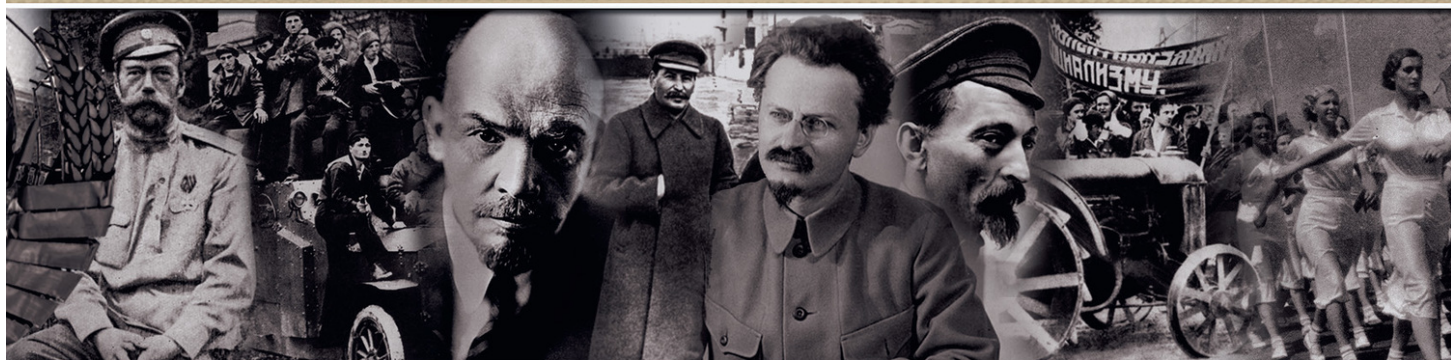

НИКОЛАЙ СВАНИДЗЕ

ПОГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ. НАША ИСТОРИЯ

1913 - 1940

ЭЙФОРИЯ

МАРИНА СВАНИДЗЕ

История России. Хроники

Николай Сванидзе

**Погибель Империи. Наша
история. 1913–1940. Эйфория**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Сванидзе Н. К.

Погибель Империи. Наша история. 1913–1940. Эйфория /
Н. К. Сванидзе — «Издательство АСТ», 2019 — (История России.
Хроники)

ISBN 978-5-17-108896-5

История российского и советского 20 века переписывалась многократно. И прошлыми поколениями, и уже на наших глазах. Многие действующие лица и события подолгу находились в вынужденном забвении. Их возвращение в историческое пространство спустя десятилетия было знаковым. Чем больше населена история человеческим судьбами, тем ярче и полней наше восприятие прошлого. В этой книге – на основе сценариев документальных фильмов «Исторические хроники с Николаем Сванидзе» – множество персонажей: государственные деятели, известные писатели, простые крестьяне, маршалы, артисты и режиссеры. Год за годом 20 века они, один за другим, входят в жизнь страны, и никому из них, да и вообще никому, не удастся остаться сторонним наблюдателем в нашей яркой и трагической истории. В книге представлены документальные свидетельства эпохи: фрагменты дневников, воспоминаний, писем и интервью действующих лиц.

УДК 821.161.1-4

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-108896-5

© Сванидзе Н. К., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1913	6
1914	18
1915	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Николай Сванидзе, Марина Сванидзе
Погибель Империи. Наша история
1913–1940
Эйфория

Серия «Table-Talk»

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

© Марина Сванидзе, Николай Сванидзе, текст
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

1913

1913-й – год празднования 300-летия дома Романовых.

1913-й – год торжества российского правосудия. Двенадцать православных присяжных заседателей вынесли оправдательный приговор иудею Менахему Менделю Бейлису.

1913-й – последний мирный год.

Великому русскому художнику Илье Ефимовичу Репину в 1913 году представилась неожиданная возможность переписать свою самую знаменитую картину.

16 января 1913 года, как раз во время празднования 300-летия дома Романовых, молодой человек, иконописец из старообрядцев Абрам Балашов, нанес три ножевых удара по лицам царя и царевича. Один удар пришелся по лицу царя – от середины виска, пересекая ухо, до плеча, второй удар прошел по носу царевича, третий удар разрезал царевичу щеку, нож соскользнул и повредил пальцы его правой руки.

Это зверское покушение произошло в Москве, в Третьяковской галерее. Жертвами покушения стали Иван Грозный и сын его Иван. А точнее, картина великого русского художника Ильи Ефимовича Репина.

Илья Семенович Остроухов, возглавлявший в этот момент Третьяковскую галерею, тотчас же подал в отставку. На самом деле в этой отставке вполне можно усмотреть политическую подоплеку.

Дело в том, что эпизод 16 января 1913 года – символическое, но удавшееся покушение на самого первого Романова. Иван, убитый своим отцом Иваном Васильевичем Грозным, был сыном первой, любимой жены царя Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой. Так вот, царица Анастасия приходилась двоюродной бабушкой первому царю из династии Романовых, Михаилу.

Только торжества по поводу 300-летия царствования династии Романовых не позволили привлечь к происшедшему в Третьяковке высочайшего внимания Николая II, склонного к мистицизму.

Репин поехал в Третьяковку, лично произвел реставрацию и уехал.

Надо сказать, что Илья Ефимович имел особую страсть к переписыванию своих старых картин, причем всегда переписывал к худшему. Так вот, в результате авторской реставрации Иван Грозный получил совершенно новую голову в отвратительной лиловой гамме.

Это зрелище застал художник, реставратор и новый директор Третьяковки Игорь Грабарь. Он схватил вату, обмакнул в керосин и стер всю свежую живопись. Затем в течение недели акварельными красками им была проведена повторная реставрация. Она завершилась банкетом в ресторане «Прага».

На мероприятии были все свои во главе с Шаляпиным и Буниним. Здание ресторана его владелец Тарарыкин выиграл на бильярде. После революции ресторан у Тарарыкина отобрали и сделали здесь общедоступную столовую Моссельпрома, а в 30-е годы – это уже спецстоловая, где любили обедать охранники Сталина. Арбат тогда был главной правительственной трассой, по которой Сталин ездил из Кремля на так называемую ближнюю дачу в Кунцево.

Так вот, в то самое время, когда в Москве, в ресторане «Прага», отмечали исцеление Ивана Грозного и сына его Ивана, в Петербурге Романовы к своему 300-летию принимали поздравления от различных депутатий. Это происходило в зале рядом с Малахитовой гостиной.

Все огромное романовское семейство стояло за государем и государыней. В отличие от своего отца, императора Александра III, Николай не был и не мог быть патриархом для этой семьи. Сестра Николая Ольга говорит, что «бесчисленные дяди и кузены сорвались с поводка», что Николай не в состоянии принимать решения без оглядки на них.

Семья была огромна. Премьер-министр Витте говорит: «У нас всяких великих князей размножилось целое стадо». Они поженились. Жены требовали денег. Некоторые из великих князей, женившись, продолжали жить с любовницами за границей. В этом случае жены требовали еще больше денег. Для этого увеличивали бюджет Министерства двора. Но и этого оказывалось мало. Вот как в случае с третьим сыном великой княгини Марии Николаевны Юрием Лейхтенбергским. Его жена, дочь князя Николая Черногорского, пожелала, чтобы ежегодная контрибуция, которую Турция платила России в размере 3 000 000 рублей, шла не в российский бюджет, а ей в руки для ее родной Черногории – союзницы России. Министерство финансов отказало, но государь сказал: «Что же делать, я уже обещал». Кстати, эта дама со своей сестрой привели ко двору Распутина. Кроме денег, были другие линии влияния. Великий князь Николай Николаевич, дядя Николая, заразился мистицизмом до того, как эту инфекцию в семью повторно внесла императрица. Это великий князь Николай Николаевич был компаньоном государя по столоверчению. Да ладно бы столоверчение. Николай Николаевич состоял в теснейшем контакте с черносотенным «Союзом русского народа». Отсюда тяга государя к этой погромной националистической организации.

В октябре 1905 года, в ужасе от революции, великий князь Николай Николаевич кричал: «Подпиши конституцию!» Потом его друзья-черносотенцы на сборище в петербургском Манеже уже орали: «Долой конституцию!», собрались устроить уличное шествие под этим лозунгом, а он, великий князь Николай Николаевич, решил сделаться почетным председателем союза черносотенцев. Но потом это сочли не совсем безопасным.

Единственное, что, пожалуй, успешно получалось у государя в отношении семьи, так это высылка за пределы родины тех великих князей, которые вступали в неравнородные браки. Мезальянс Николай строго карал запретом на въезд в Россию. Несомненно, после 1917 года эти изгнанники помянули родственника добрым словом.

Единственное, что спланивало Романовых, – общая неприязнь к императрице.

24 февраля 1913 года каждый поздравляющий подходил сначала к императрице Александре Федоровне, делал поклон, целовал ей руку и снова делал поклон. Затем он подходил к вдовствующей императрице Марии Федоровне и затем уже к государю. Молодая императрица сидела, но Мария Федоровна все время стояла.

Меню парадного обеда в Зимнем дворце 24 февраля 1913 года, по нынешним ресторанным меркам, скромное:

- Супы черепаховый и из дичи.
- Пирожки разные.
- Стерлядь двинская на шампанском.
- Филе телятины московской.
- Холодное из уток.
- Соус апельсиновый.
- Пунш «Виктория».
- Жаркое – пулярды французские и фазаны.
- На сладкое – персики по-императорски.

Музыкальная программа в тот вечер была представлена, помимо прочего, дуэтом Маши и Дубровского.

Кстати, о Пушкине. Несмотря на то что великому князю Михаилу Михайловичу, внуку Николая I, за женитьбу на внучке Пушкина был запрещен въезд в Россию, Пушкина Романовы, несомненно, любили. Сохранилась фотография, запечатлевшая тогда еще наследника престола Николая в роли Евгения Онегина. В роли Татьяны – великая княгиня Елизавета Федоровна.

Сохранилась также фотография, где муж Елизаветы Федоровны, великий князь Сергей Александрович, в костюме царевича Федора в «Царе Борисе» по драме Алексея Константино-

вича Толстого. А на картине Репина «Заседание Государственного совета» он в совсем другом костюме. Картина была выставлена в Мариинском дворце, где заседал Госсовет в 1903 году.

В 1903 году в Кишиневе был инспирирован один из страшнейших еврейских погромов в русской истории. Главным идеологом этого позорного направления российской внутренней политики был как раз Сергей Александрович. В этом отношении его влияние на Николая огромно и бесспорно. Кроме того, на Сергее Александровиче лежит вся ответственность за смертоубийство на Ходынке в день коронации Николая. В определенном смысле Сергей Александрович был большим интернационалистом, потому что человеческая жизнь, независимо от национальности, для него не имела никакой ценности. Великий князь был убит террористом Каляевым в феврале 1905-го. Потомки Романовых в своих мемуарах обходят фигуру Сергея Александровича. Вот редкое воспоминание, в котором он фигурирует: двоюродный брат Николая II Дмитрий родился в подмосковном имении Сергея Александровича Ильинское. Кстати, Дмитрий будет участником убийства Распутина в 1916 году вместе с Феликсом Юсуповым, соседом Сергея Александровича по имению. Мать Дмитрия умерла при родах. Ребенок был хилым и слабым. Никто не думал, что он выживет. По рекомендации врачей Сергей Александрович собственноручно купал младенца в подогретом бульоне.

30 октября 1913 года оказалось днем посмертного поражения великого князя-антисемита. В этот день на судебном процессе в Киеве судом присяжных оправдан Менахем Мендель Бейлис.

В октябре 1913 года завершился громкий процесс, вошедший в российскую историю как «дело Бейлиса». Следствие шло два года. Единственный подозреваемый – Менахем Мендель Бейлис, иудейского вероисповедания, отец пятерых детей. Обвиняется в ритуальном убийстве мальчика, православного Андрея Ющинского, с целью получения христианской крови для выпечки мацы к еврейской Пасхе. Эта версия рассматривалась официальным следствием как единственная. Фракция крайних националистов-черносотенцев во главе с Пуришкевичем занималась этим вопросом в Думе. Собственное расследование вели члены молодежной черносотенной организации «Двуглавый орел».

В последний день судебного заседания напротив Киевского окружного суда в Софийском соборе шла служба по убиенному Андрею Ющинскому. Площадь заполнена готовыми ко всему погромщиками в состоянии крайнего нетерпения.

Последним на суде выступил адвокат Бейлиса Владимир Маклаков. Его родной брат, министр внутренних дел Николай Маклаков, в этом деле был по другую сторону баррикад.

Адвокат обратился к присяжным: «Мы все должны просить вас об одном: берегитесь осудить невиновного. Это будет грехом вашей совести, это будет позором для русского правосудия. И этот позор не забудется никогда».

Теперь о присяжных, которые должны были решить судьбу Бейлиса в Киевском окружном суде. Когда писатель Владимир Короленко, который ни минуты не сомневался в сфабрикованности обвинений, увидел присяжных, его охватило отчаяние. Это были семеро крестьян и пятеро мещан и мелких чиновников, которые едва ли могли разобраться в противоречивых психиатрических и сложных богословских экспертизах. Однако именно эти присяжные признали Бейлиса невиновным.

Я хочу поименно назвать этих русских присяжных заседателей, оправдавших Менахема Менделя Бейлиса.

- Митрофан Кутовой, крестьянин
- Савва Мостицкий, киевский извозчик
- Георгий Оглоблин, чиновник
- Константин Синьковский, служащий почты
- Порфирий Клименко, работник Демидовского винного склада
- Митрофан Тертычный, крестьянин

- Петр Калитенко, служащий киевского вокзала
- Фауст Савенко, крестьянин
- Архип Олейник, крестьянин
- Иосаф Соколовский, крестьянин
- Иван Перепелица, домовладелец на Вознесенском спуске
- Макарий Мельников, губернский секретарь

Вернемся к картине Ильи Ефимовича Репина «Заседание Государственного совета».

В левой части картины, кстати написанной учеником Репина Кустодиевым, мы видим обер-прокурора Синода, незабвенного, потому что крайне реакционного, политического долгожителя Константина Петровича Победоносцева. Он слуга трех господ, трех Романовых – Александров II и III и Николая II. И какой слуга! Благодаря ему была провалена первая русская Конституция накануне убийства Александра II, он не дал ее утвердить в первые дни воцарения Александра III. Он был поклонником полицейского воздействия, потому что в ином случае нужны были бы реформы. Витте говорит по этому поводу: «Это его, Победоносцева, великий грех, тогда бы история России сложилась иначе и мы не переживали бы позорную и подлейшую революцию-анархию».

У Победоносцева особые отношения как с Репиным, так и с Иваном Грозным.

В феврале 1885 года картина, известная под бытовым названием «Иван Грозный убивает своего сына», появилась на передвижной выставке в Санкт-Петербурге. Выставку посетил Александр III, и репинская работа ему понравилась. Победоносцев тоже сходил на выставку, насторожился и в тот же день, 15 февраля 1885 года, написал императору: «На передвижной выставке выставлена картина, оскорбляющая у многих правительственное чувство: трудно понять, какой мыслью задается художник, рассказывая во всей реальности именно такие моменты. И к чему тут Иван Грозный? Кроме тенденции известного рода, не приберешь другого мотива».

Всеслышащее ухо Победоносцева четко уловило то, что говорили, а вернее, думали посетители выставки, стоя перед картиной Репина. А они думали: «Ведь это цареубийство». То есть Репин, написав царя-убийцу, снял с него налет сакральности, святости, неприкосновенности. Он сделал его просто человеческим существом, преступившим нравственный закон. То есть царь – просто преступник, просто убийца.

Бдительный Победоносцев попал в точку. Потому что Лев Толстой после посещения выставки в письме Репину пишет про Грозного: «Он самый плюгавый и жалкий убийца. Хорошо, очень хорошо».

Пошли разговоры, что картину запретят. И действительно, когда выставка открылась в Москве, Третьяков получил уведомление от московского обер-полицеймейстера:

«Милостивый государь, Павел Михайлович, Государь император высочайше повелел картину Репина не допускать до выставок и не допускать ее распространение в публичке».

Далее Третьякову, который приобрел картину, было предложено дать подписку об исполнении высочайшего указания.

В течение трех месяцев картина находилась в отдельной комнате. И лишь заступничество перед императором влиятельных лиц, иного, чем Победоносцев, сорта, сняло с картины запрет.

Такое ощущение, что сам Репин так до конца и не определился, что побудило его написать картину «Сыноубийца». Это ее оригинальное репинское название.

Иногда Репин говорил, что всех взволновало убийство Александра II 1 марта 1881 года, что через весь этот год прошла кровавая полоса и вот тут-то он и вспомнил про сюжет с Грозным.

А иногда Репин говорил совсем по-другому. Вот съездил он в Испанию, понаблюдал за зрителями на корриде, понял, насколько зрелище убийства и крови привлекает толпу. Приехал домой, написал кровавую сцену «Иван Грозный с сыном» и еще раз убедился в том, что картина крови имела большой успех.

Репинское заявление насчет толпы и крови заслуживает внимания. Оно кажется циничным, эпатажным, отдает массовой культурой XXI века, но это на первый взгляд.

Просто Илья Ефимович Репин – шестидесятник. Он сам себя так называл. Это понятие появилось в XIX веке, хотя привыкли мы к нему в XX. В XX веке шестидесятниками назывались люди, которые появились в культуре и политике после XX съезда партии, на волне хрущевской, постсталинской оттепели. Шестидесятники XIX века – дети эпохи Александра II, отменившего крепостное право. Но в обиход словечко «шестидесятники» вошло в жесткие времена Александра III. Шестидесятник Репин реформатора Александра II добрым словом не поминал, говорил о демократических идеалах вообще, зато часто вспоминал Гоголя. В чем был несомненно прав, потому что России в стабильную эпоху Александра III Гоголя остро не хватало.

После 1917 года письмо Победоносцева к Александру III по поводу «Грозного» было опубликовано.

Вот репинская реакция после ознакомления с письмом:

«Победоносцев – ничтожество, полицейский. А Александр III – осел, во всю натуру. Все яснее и яснее становится подготовленная им русская катастрофа. Безграмотный мужлан Распутин был сравнительно гений, он и составил достойный финал им всем, – завершилось, ведь сколько их предупреждали».

В продолжение темы – фрагмент из воспоминаний Репина:

«Однажды меня с художником Галкиным пригласили во дворец написать царицу Александру Федоровну. И вот вышла к нам немка. Выражение лица змеиное. Сидит и кусает надменные и тонкие губы. Я так и написал ее. Злой и беременной. Подходит ко мне министр двора и говорит: „Что вы делаете? Посмотрите сюда”. И показал мне портрет Галкина.

У Галкина получилась голубоокая фея.

„Простите, я так не умею”, – сказал я смиренно и попросил с поклонами, чтобы меня отпустили домой».

Что касается другой своей натуры, а именно «Бурлаков», то Репин и здесь был откровенен: «Должен честно сознаться, что меня нисколько не занимал вопрос быта и оплаты труда бурлаков. Меня это нисколько не занимает, нет».

Черт знает сколько лет спустя после написания картины «Бурлаки на Волге», а если точнее, то спустя 53 года, Илья Ефимович Репин пишет письмо Ворошилову. Дело было в сентябре 1926 года, после того как группа советских художников по поручению ГПУ приезжала к Репину и уговаривала вернуться на родину. Надо сказать, Репин никогда родину не покидал. Он задолго до революции поселился на даче в Финляндии, которая входила в состав Российской империи. Там и продолжал жить после того, как родина в лице большевиков на время, то есть до 1940 года, оставила Финляндию в покое. ГПУ обещало Репину в случае приезда в

СССР полный пансион. Оно же, ГПУ, посоветовало обратиться за дополнительной помощью к Ворошилову.

И вот Репин пишет:

«Высокопоставленный товарищ Климентий Ефремович!

Долго я не смел писать Вам, но необходимость заставила. Дело серьезное.

В жизни мне везло, и я никогда не просил. Мой труд меня обеспечивал, и я имел уже имение, собственную квартиру в Питере и, несмотря на разрастающуюся семью, имел уже в Государственном и Московско-Купеческом банках около 200 тысяч рублей золотом.

После 81 года жизни – ни имения, ни денег. Но у меня еще были друзья.

Стали звать меня в Питер, даже приезжали, говорили: „Хлопочите, вам возвратят ваше имение, деньги и квартиру в Питере“.

Простите.

Престарелый художник Илья Репин, автор „Бурлаков” и „Запорожцев”».

Надо сказать, картина «Репин пишет письмо Ворошилову» ничуть не уступает полотну «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Жалко, не написал Репин такого автопортрета. Ему шел уже восемьдесят второй год, да и ситуация была очень сложная. Об этой ситуации – в справке ГПУ в деле Репина. Речь идет о судьбе дочери Репина Татьяны Ильиничны, проживавшей в бывшем владении Репина под Витебском. В репинском доме в течение девяти лет бесплатно размещалась школа. Дочка Репина работала учительницей, пока не оставила работу по причине потери слуха.

СПРАВКА ГПУ

5 февраля с. г. у Репиной описано все имущество (включая надетое на теле белье, детские пеленки и т. п.) с предупреждением, что оно будет конфисковано. Т. И. Репиной было велено лично возить лес из Николаевского совхоза. Когда она явилась в сельсовет с заявлением о невозможности для нее выполнить предписанную работу, но с предложением воспользоваться ее лошадью, она была подвергнута обыску и оставлена до вечера под арестом. Одновременно был произведен обыск в доме (как и у всех обложенных индивидуальным налогом). 31 марта Т. И. Репина вызывалась в сельсовет для заполнения анкеты на предмет выселения в Сибирь.

Вот на таком фоне Репин написал Ворошилову. Ворошилов попросил совета у Сталина:

«Дорогой Коба!

Посылаю тебе письмо Репина для ознакомления. Очень прошу, если это тебя не затруднит, черкнуть пару слов по этому поводу. Жму руку. Ворошилов».

На письме резолюция Сталина:

«Клим!

Я думаю, что Соввласть должна поддержать Репина всемерно.

Привет. И. Сталин».

Ворошилов пишет Репину:

«...Надеюсь, что Рабоче-крестьянское правительство сделает все необходимое для удовлетворения Ваших требований».

Позже Ворошилов опять пишет Репину:

«Вашу личную жизнь и Ваших близких государство обеспечит полностью».

И еще Ворошилов пишет художнику Бродскому, любимому ученику Репина:

«Меня больше всего тревожит белогвардейское окружение Репина.

Действуйте, как хотите, но так, чтобы И.Е. был перемещен к себе на родину».

Репин в свою очередь пишет Бродскому, что гордится перепиской с Ворошиловым, что завещает отдать его письма в музей. Потом к Репину в Куоккалу командировали его старого знакомого Корнея Ивановича Чуковского. Вернувшись в Москву, Чуковский сказал, что Репин в СССР не приедет. В Финскую войну, когда Красная армия проходила через Куоккалу, в руки НКВД попали дневники Репина. Там была запись: «Приезжал Чуковский уговаривать меня вернуться в Россию. Очень не советовал».

На самом деле Ворошилову и Сталину не стоило огорчаться, что Репин к ним не приехал и не вздумал написать их портреты. Иногда у Репина с портретами выходило нескладно, в том смысле что частенько в портретах его была зловещая сила. Кого напишет, в ближайшие же дни умирает. Написал Мусоргского – Мусоргский тотчас же умер. Написал Пирогова – Пирогов умер. Захотел написать Тютчева – Тютчев сразу заболел и скончался. Написал Гаршина – тот бросился в лестничный пролет. Наконец, Репин получил заказ на Столыпина. Едва только Репин закончил портрет, Столыпин уехал в Киев, где его сейчас же застрелили.

Он вообще был очень противоречивый человек, Илья Ефимович Репин. Вот он вспоминает:

«Сейчас приезжал ко мне один покупатель. Я его отговорил: „Дрянная картина, не стоит покупать“. Он и уехал».

«Боже мой, какая мерзость!» – писал он об одной из своих работ.

Или:

«Я раз зашел в лавку, мне говорят: „Не угодно ли репинский холст?“

А я говорю: „К черту“».

С женщинами тоже резок был. Сам признавался, что ему наскучивают долгие привязанности: достаточно года, два – слишком много.

По отношению к жене себя считал свободным, но ее продолжал ревновать. Особенно к сыну знаменитого художника Перова, который написал «Тройку» и «Последний кабак у заставы». При этом стыдился осуждения Крамского и особенно Третьякова.

Репинские привязанности отличались чрезвычайным разнообразием. Чаще всего это были светские дамы, которых он писал. Бывали жестокие страдания, как в случае, когда он влюбился в свою ученицу Званцеву, которая заставила его немедленно забыть баронессу Варвару Ивановну Иксуль.

Родственники баронессы Иксуль по мужу запечатлены Репиным на заседании Госсовета. Сама Варвара Ивановна, после того как ее бросил Репин, была писательницей, издателем с благословения самого Толстого. Она, поклонница Горького, вызволяла его из-под ареста. В годы Первой мировой войны ей было уже за шестьдесят, она организовывала лазареты, кор-

мила неимущих, была сестрой милосердия непосредственно на поле боя. Награждена Георгиевским крестом.

Итак, после баронессы была Званцева. Ее Репин оставил ради княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, которая была спонсором Дягилева. А Мария Клавдиевна, в свою очередь, уступила место Наталье Борисовне Нордман-Северовой, у которой и дача в Куоккале.

Чуковский, часто гостивший в Пенатах, пишет в дневнике: «Иду мимо дачи Репина, слышу, кто-то кричит на всю улицу: „Дрянь такая, пошла вон!“ Это жена Репина кричит мадам Нордман. Увидела меня, устыдилась.

Дура и с затеями – какой-то Манилов в юбке. На зеркале, которое разбилось, она заставила Репина нарисовать канареек, чтобы скрыть трещину. Репин и канарейки! Это просто символ ее влияния на Репина. А вы бы посмотрели, какие у них клозеты! Даже будки собачьи Репин расписывал».

Илья Ефимович с Натальей Борисовной сперва увлекались вегетарианством, потом плотно занялись танцами.

Сестра Толстого Мария Николаевна долго не могла забыть пляски под граммофон, которые чета Репиных устраивала по ночам в Ясной Поляне над комнатой Льва Николаевича.

Художник Игорь Грабарь в своей книге о Репине, издания 1937 года, неприлично жестко отзывается о Наталье Борисовне Нордман: «Репин начал тяготиться ее опекой и не слишком огорчился, когда она уехала в Италию, где и умерла».

Казалось бы, ну кто такой Репин? Ну, великий русский художник. Но история, связанная с ним, на самом деле кое-что говорит о царствующей семье. Константин Петрович Победоносцев в своем письме императору Александру III о картине «Иван Грозный...» несколько передернул, когда написал, что и прежние работы Репина «отличались той же дурной склонностью и были противны». Он так писал, чтобы царь запретил картину. И добился своего: царь картину запретил.

На самом деле Победоносцев беззастенчиво вторгся в сложные семейные отношения в доме Романовых. Обратимся еще раз к «Государственному совету» Репина. На картине по правую руку от Николая сидит его дядя, великий князь Владимир Александрович. И ведь не кто иной, как именно он, воспитанник Победоносцева, заказал Илье Ефимовичу картину «Бурлаки на Волге».

В бытность свою еще не президентом Академии художеств, а вице-президентом Владимир Александрович пригласил Репина показать ему свои эскизы. Репин только что вернулся с Волги. В назначенный час работы были разложены на полу в конференц-зале Академии. Владимир Александрович сразу же указал на эскиз «Бурлаков» и произнес:

– Вот этот сейчас же начинайте обрабатывать для меня.

В 1917 году между Февралем и Октябрем на линолеуме Илья Ефимович Репин пишет, как теперь сказали бы, ремейк своей картины «Бурлаки на Волге» и называет ее «Быдло империализма». Эта картина практически никому не известна и висит на ремнях в запасниках музея в Тбилиси. Приводим репинское объяснение смысла этой картины:

«Быдло – слово польское. Означает оскотевшего раба. Быдло – глубоко развращенное существо. Обычно подхалимствует перед своими господами. Но быстро приходит к расправе над этими господами, если они слабеют».

Первый вариант «Бурлаков на Волге», написанный по заказу одного из Романовых, был выставлен в Академии в 1873 году. Великий князь отлично объяснял характер репинских персонажей. Он знал их поименно. Картина долго висела в его бильярдной, и он жаловался Репину, что стена вечно пустует, потому что все просят у него «Бурлаков» на разные европейские выставки.

На этом фоне занятно выглядит мнение тогдашнего министра путей сообщения. Он доверительно говорил Репину: «Ну скажите, ради бога, какая нелегкая вас дернула писать эту нелепую картину? Да ведь этот допотопный способ транспортов мною уже сведен к нулю. Было бы патриотичнее не выставлять отрепанные онучи напоказ Европе на всемирных выставках».

Мнение другого министра путей сообщения, впоследствии министра финансов и премьер-министра Сергея Юльевича Витте, насчет картины Репина «Бурлаки на Волге» неизвестно. Витте также запечатлен Репиным на заседании Госсовета. Корней Иванович Чуковский вспоминает слова Репина о Витте: «Он гениальный человек».

В значительной степени благодаря усилиям этого государственного человека российский 1913 год стал тем, чем он стал. Именно 1913 год, а точнее экономическое состояние России в 1913 году, долгие советские годы неотвязным призраком преследовал советскую историческую и экономическую науки. Все годы пышного цветения советской власти мы сравнивали свои экономические показатели с 1913 годом; вопреки убегающему времени, 1913 год маниакально преследовал нас, пока само упоминание о нем не превратилось в крамолу.

В 1913-м Россия превратилась в индустриальную державу и прочно заняла 4-е место в мире. Темпы роста производства составляли 19 процентов в год.

Прирост населения в 1913 году составлял 16 процентов. Самый высокий прирост населения в Европе. На 56 процентов Россия собственными силами удовлетворяла внутренние потребности в станках и оборудовании.

Опережающими темпами развивались химическая промышленность и энергетика. Расходы по Министерству народного просвещения с 1900 по 1913-й возросли в 5 раз, составив в 1913 году 14,6 процента бюджетных расходов.

Если пересчитать цены и зарплаты 1913 года применительно к ценам и зарплатам 1985 года, мы получим:

- профессиональный рабочий получал ежемесячно около 2000 рублей;
- чернорабочий – 600–700 рублей;
- специалист-инженер – 20 000 рублей.

Теперь давайте вспомним наши зарплаты в 1985 году. Предел мечтаний классного дипломированного специалиста со степенью – 280–320 рублей. Средняя зарплата 100 рублей. При этом продуктов нет, все с черного хода и с переплатой.

В 1913-м внутренние российские инвестиции успешно конкурируют с иностранными. Иностранцы стремятся к получению российского гражданства.

Академик Станислав Густавович Струмилин – между прочим, академик с 1931 года, лауреат Ленинской и Государственной премий – свидетельствует, что заработки рабочих в крупной промышленности занимали второе место после американских.

Вот его выкладки:

Средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США в 1913 году достигал 573 долларов в год. Или 1,84 доллара в день.

В пересчете на русскую валюту его дневной заработок составлял 3 рубля 61 копейку.

В России, по данным 1913 года, средний годовой заработок рабочих составлял 300 рублей. То есть – 1 рубль 16 копеек в день.

Отсюда обычно делался вывод о резком отставании уровня жизни российских рабочих. И это было бы так, если не сравнивать цены на продукты в Штатах и в России. Но вся беда в том, что в Штатах в 1913 году продукты были в три раза дороже, чем в России. Тут и выясняется, что зарплата российского рабочего в 1913 году была только на 15 процентов ниже, чем у американского собрата.

Вот некоторые цены на продукты в 1913 году в Петербурге. Обращаю ваше внимание, цены даются за пуд, то есть за 16 килограммов каждого продукта.

- Мясо (первый сорт) – 9 рублей 38 копеек за пуд.

- Свинина (первый сорт) – 8 рублей 22 копейки за пуд.
- Караси мороженые – 8 рублей 48 копеек за пуд.
- Куры (первый сорт) – 1 рубль 93 копейки за пару.
- Хлеб ржаной – 3 копейки за фунт (русская мера веса, равная 409,5 г).
- Яйцо – 30 копеек за десяток.

А теперь зарплата в Петербурге в том же году. Зарплата за один день.

- Землекоп – 1 рубль 50 копеек.
- Кузнец – 2 рубля 26 копеек.
- Слесарь – 2 рубля 63 копейки.
- Чернорабочий – 1 рубль 24 копейки.

Повторяю, зарплату мы приводим за один день, а цену продуктов – за пуд. Если учитывать, что ни чернорабочий, ни слесарь в день не съедали пуд карасей, то картина, в общем, ясна. Справедливости ради добавим, что разброс цен и зарплат в России, как и сейчас, был значителен.

Теперь о перспективах России в оценках иностранных специалистов.

Если у России дела пойдут так, как они шли между 1900-м и 1912-м, то к середине XX столетия Россия будет доминировать в Европе в политическом, экономическом и финансовом отношении.

Отдельный прогноз в отношении сельского хозяйства.

Еще 25 лет мира и 25 лет землеустройства в либеральном направлении, предпринятом в рамках Столыпинской реформы, и Россия делается другой страной.

25 лет мира не оказалось. Мирного времени оставался год. Даже меньше.

Экономический подъем страны позволил расходувать огромные средства на армию и флот. В 1913-м между российскими и французскими генералами уже вовсю идет дискуссия на крайне захватывающую тему: генерал Жоффр объявляет, что Франция на 10-й день мобилизации после объявления войны сконцентрирует на позициях 1,5 миллиона человек. В ответ генерал Жилинский обещает, что в следующем, 1914 году Россия на 13-й день мобилизации бросит против Германии 800 тысяч человек.

После поражения в Русско-японской войне Россия преодолела комплекс проигравшего. И вновь становилась великой военно-морской державой. Однако отставание ее в военной области от Германии было фатальным.

Странное дело. Несмотря на отменный фон, связанный с экономическим подъемом, несмотря на спад террористической волны, последним в которой было убийство премьера Столыпина, несмотря на нехудшую, скажем так, редкую для России ситуацию, празднование 300-летия династии оставило у Романовых невеселое впечатление.

Сестра Николая Ольга говорит: «Все было вымученным».

Действительно, императрица настолько выбилась из сил в череде мероприятий, что на балу в петербургском Дворянском собрании чуть не упала в обморок.

По Волге государь поплыл без нее. И все вроде бы было как надо. Действительно, толпы крестьян выходили поглазеть на царя, некоторые от любопытства даже заходили в воду и стояли чуть ли не по пояс в воде.

Действительно, отдельные неуравновешенные люди падали на колени, чтобы поцеловать тень императора, когда он проходил мимо. Но великий князь Гавриил Константинович, наблюдавший все это, пишет: «Да, приглашенная публика на улицах и в театре кричала „ура“, но настроения не было. Все по-казенному».

Императорская семья в Костроме жила на двух пароходах. По утрам пили кофе в столовой. Великий князь Сергей Михайлович был все время не в духе и мрачно сидел за столом в старой генерал-адъютантской фуражке. Он вообще плохо одевался. Сергей Михайлович – сын двоюродного деда царя, Михаила Николаевича. И он представлен на репинском «Госсовете».

В 60-х годах прошлого века его правнуку князю Давиду Чавчавадзе, капитану армии США, работавшему в ЦРУ, после очередного развода хотели сосватать одну даму, недавно покинувшую Советский Союз. Трижды разведенный князь отказался от знакомства. Даму, которую ему сватали, была Светлана Сталина.

В 1913-м в Москву государь прибыл поездом на Александровский, ныне Белорусский, вокзал. Дальше по Москве верхом. Перед государем шел взвод собственного Его величества конвоя в конном строю. Войска стояли шпалерами. Государыня ехала с наследником, волновалась, лицо все в красных пятнах было. Великая княгиня Елизавета Федоровна ехала с великими княжнами.

Тверская улица, по которой двигалось шествие, была посыпана желтым песком, столбы – украшены цветами и флагами. Московское дворянство в Благородном собрании дало бал. Для императрицы был специально сделан лифт, потому что из-за больного сердца ей было трудно подняться по лестнице.

Великий князь Гавриил Константинович в воспоминаниях резюмирует:

«Не чувствуется, что Россия празднует юбилей своей династии. Я вынес впечатление, что юбилей Романовых прошел без подъема, и объясняю это тем, что революция уже начинала чувствоваться в воздухе».

На самом деле последним беззаботным романовским праздником был так называемый исторический бал в январе 1903 года в Зимнем дворце. Все последующее – после бала. Началась война с Японией, потом революция, террор, потом война и конец. Так что бал 1903 года можно действительно считать официально последним и в силу этого историческим. Хотя название свое он получил по иной причине. Дело в том, что 416 приглашенных должны были явиться в Зимний дворец в придворных костюмах XVII века. И они в этих костюмах явились. Мысль о костюмированном бале пришла в голову императрице 29 декабря 1902 года, во время завтрака с сыном поэта Жуковского Павлом Васильевичем и министром двора бароном Фредериксом.

Сам Фредерикс будет в костюме Богдана Хмельницкого.

Между ними затеялся спор о целесообразности петровской реформы русского костюма. Жуковский говорил, что русский костюм эстетически приятнее дворцовых мундиров. Тут-то и решили превратить один из балов в исторический. Высший свет в полном составе ринулся в петербургские и московские картинные галереи, всматривался в фамильные портреты, листал исторические труды. В эти дни отмечена рекордная посещаемость музеев.

Сто человек сразу отказались от участия в бале. Стоимость изготовления костюмов была очень высока. По решению министра двора часть костюмов шилась в мастерских Императорских театров. Кроме того, у гвардейских офицеров, особо стесненных в деньгах, администрация Императорских театров обещала выкупить костюмы после бала. Так как разнообразные исторические балы в России не были редкостью, приглашенные извлекали многое из сундуков и одалживали друг у друга. Так, барон Теофил Егорович Мейендорф собрал свой костюм воеводы из армии князя Пожарского по знакомым: желтые сапоги, шлем с подшлемником – у Шереметева, блестящую кольчугу и воротник – у Бобринского, парик с буклями – у некоей Ольги, а меч был его собственный.

Костюм графа Шереметева весил два пуда. Он записал это в дневнике вместе с проклятиями.

Великая княгиня Ксения Александровна рыдала: «Все утро прилаживаю алмазы к кокошнику. Больше никаких сил нет. Я как загнанная лошадь».

Все участники после бала по желанию императрицы были сфотографированы.

Может показаться грубым, но в исторической ретроспективе этот безумный и красивый бал в Зимнем – не что иное, как Последний Кабак у Заставы. Да и нет тут ничего грубого.

Это словосочетание уже было к тому времени введено в русский культурный обиход художником-передвижником Перовым, к сыну которого так ревновал свою жену Репин.

1914

Принято считать, что убийство австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараеве в июне 1914 года было лишь поводом для мировой войны. Причины же войны заключались в жесточайшем экономическом соперничестве между Англией и Германией, в борьбе за рынки и во внутренних противоречиях капитализма.

А вот хороший русский писатель и блестящий историк Марк Алданов говорит: «По случайности, в 1914 году судьбы мира были в руках двух неврастеников». Первый из них – германский император Вильгельм, второй – министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Леопольд Бертольд фон унд цу Унгаршитц. Когда в Сербии убили австрийского эрцгерцога Фердинанда, граф Бертольд, который славился честолюбием, лично написал Сербии ультиматум. И не показал его своему патрону – австрийскому императору Францу Иосифу, которому было 84 года, который больше всего боялся пожара от короткого замыкания и который слышать не хотел о войне. Честолюбие Бертольда тут уж явно было удовлетворено, потому что именно его ультиматум стал первым шагом к мировой войне.

С честолюбием первого европейского неврастеника кайзера Вильгельма все было в порядке и без войны. Германия процветала, он выдал замуж дочь, на свадьбу приезжали английский король и русский царь. Свадьба прошла весело и без политических разногласий.

28 июня 1914 года, когда Вильгельм был на регате в Киле, к его яхте подошла шлюпка. Стоящий в ней адмирал Мюллер держал в руках какую-то бумагу, но так как причалить не мог, он положил ее в портсигар и бросил на борт. В ней было сообщение об убийстве эрцгерцога.

Вильгельм любил эрцгерцога и его жену, к тому же он был всемогущ и по сравнению с австрийским министром иностранных дел мог позволить себе все. Кроме того, ему сказали, что 12 сербских террористов поехали в Вену, чтобы убить его во время похорон эрцгерцога. Кайзер на похороны не поехал. Он сказал, что с сербами надо покончить немедленно. Это само собой разумеется.

Никто не сказал ему, что это не совсем само собой разумеется и войной с Сербией действия сербских террористов не прекратит. Но, может быть, и не было желающих ему это сказать. Многим образованным людям в то время в Европе казалось, что ничего страшного не произойдет, если случится война. Другое дело генералы. Они думали, что будет беда, если войны не случится. И не только германские генералы, но и французские союзники русских генералов. К тому же германский канцлер сказал британскому послу, что договор о нейтралитете Бельгии – это клочок бумаги. А значит, путь на Францию открыт. Посол сообщил об этом в Лондон, добавив, что кайзер «в большой агитации от вина и говорил безостановочно 20 минут подряд».

В эти дни ходил анекдот: ключник потустороннего мира, апостол Петр, встречает эрцгерцога Фердинанда: «Ваше высочество, за вами сюда ожидается большая свита».

Особенно много народу ожидалось из России.

В фильме «Дом, в котором я живу» есть знаменитый кадр – главные герои идут по улице, а в конце ее встают цифры «1941». Мы всегда эмоционально реагируем на этот кадр. На самом деле с ничуть не меньшим, а может быть, и большим правом на нашу трагическую память могут претендовать цифры «1914». В 1914-м начались события, после которых рухнула огромная страна Россия. Первая мировая война начинает и возглавляет эту череду событий.

Первую мировую войну называют еще Великой войной. В этом названии – масштаб трагедии, количество жертв, перекройка карты Европы, страшная цепь последствий – большевизм, фашизм и, наконец, Вторая мировая война.

В самой комбинации цифр «1914» и «1941» есть что-то мистическое.

Император Николай Александрович Романов, к 1914 году уже двадцать лет как царствующий в России, был склонен к мистицизму. Число современников, свидетельствующих о его мистицизме, может конкурировать только с теми, кто пишет о нем как о глубоко верующем человеке. Мистицизм и христианская вера, казалось бы, несовместимы друг с другом. Но точкой их пересечения в душе российского императора оказалась его непостижимая убежденность в том, что он, Николай Александрович, действительно помазанник Божий на российской земле.

В течение двадцати лет правления Николая Россия отказывалась с этим соглашаться. Ходынка, разгром в Русско-японской войне, 1905 год, испуг до полного безвластия, тотальный эсеровский террор авторитет Николая не укрепили. Затем Столыпин шесть лет вместо царя осуществлял управление страной в качестве кризисного менеджера. Потом Столыпина убили. Николай не воспринял это как трагедию, тем более как национальную трагедию. Но исчезновение с российской политической сцены такого сильного персонажа, как Столыпин, также не повысило самооценку Николая. Его личные впечатления от первого десятилетия российского XX века были кошмарными и настолько подавляющими, что мысль о себе как о Божьем помазаннике должна была отступить.

Однако соблазн пришел с самой неожиданной стороны. Благодаря внятной экономической и финансовой политике нелюбимых Николаем премьеров Витте, Столыпина и Коковцова Россия была на мощном экономическом подъеме. Так вот, оказалось, что экономический подъем – это невероятное испытание для лидера страны, задавленного комплексами собственных неудач. В особенности если речь идет о самодержце гигантской страны со стремительно растущим населением. Женщины рожают детей, то есть солдат, доходы страны растут, инстинкт государственного самосохранения ослабевает. К тому же государь прежде всего человек военный. Он ценит свое военное образование и говорит, что свободнее всего чувствует себя среди военных.

В 11 часов утра 29 января 1914 года к премьер-министру с двухлетним стажем и уже десять лет как министру финансов Владимиру Николаевичу Коковцову явился курьер и передал небольшого формата письмо от государя.

Это было увольнение с должности в следующих высочайших формулировках:

*«Владимир Николаевич!
Не чувство неприязни, а давно и глубоко осознанная мною государственная необходимость заставляет меня высказать Вам, что мне нужно с Вами расстаться.
Быстрый ход внутренней жизни и поразительный подъем экономических сил страны требуют принятия ряда решительных мер, с чем может справиться только свежий человек».*

Кстати, о свежести. На место Коковцова был поставлен Горемыкин, ему в этот момент стукнуло 75 лет, в премьерское кресло Николай сажает его по второму заходу. Первый раз он его заменил Столыпиным. Так что если осетрина по-булгаковски, как известно, бывает только одной свежести, то по-царски у премьер-министра легко может быть две свежести и более. Горемыкин известен как крайне несамостоятельный чиновник, находящийся в постоянном ожидании указаний от Николая.

Но вернемся к отставке Владимира Николаевича Коковцова.

В 11 утра в пятницу 31 января 1914 года он вошел в кабинет государя.

Государь, только вернувшийся с прогулки, быстро пошел навстречу Коковцову, подал ему руку и, не выпуская его руки, стоял молча и смотрел ему прямо в глаза.

Современники отмечали, что, когда Николай бывал взволнован, он беспрерывно курил и смотрел себе под ноги. Коковцову Николай смотрел в глаза.

Потом он обнял его, два раза поцеловал и пожаловал графский титул. Потом опять поцеловал. Далее государь объявил, что назначает бывшему премьеру в виде заботы 300 тысяч рублей для единовременной выдачи. Коковцов отказался. «Ну, что же делать», – сказал государь, обошел вокруг стола, опять взял Коковцова за руку. Глаза его были полны слез. Коковцов поцеловал его руку, он поцеловал Коковцова в губы и прибавил: «Так расстанутся друзья».

Такова эмоциональная составляющая воспоминаний Коковцова о прощальной аудиенции. Теперь об эмоциях несколько иного свойства. Премьер-министр, он же министр финансов, был убежденным противником войны и единственной преградой на пути возрастающего влияния военного ведомства. Когда Николай 31 января 1914 года со слезами и поцелуями сдавал Коковцова, он не мог не отдавать себе отчета в том, о чем он плачет. В ином случае самообладание не покинуло бы его. А его самообладание стало легендой еще при жизни Николая, вызывало толки об «азиатском фатализме».

На самом деле это выдержка, которая давалась воспитанием. Вроде бы неуместное сравнение, но так выпускницы Смольного института в сталинские времена, стоя с передачей мужьям в тюремных очередях, умели на людях скрывать свои чувства. Вероятно, именно по причине внешней сдержанности и фотографии Николая не оставляют какого-то определенного впечатления. Он хорошо выглядит, аккуратен, нельзя представить себе, чтобы он повысил голос. Кажется, что он должен быть педантичным, должен любить свежий воздух и порядок. На этом фоне чем-то из ряда вон выходящим кажется привычка Николая запивать портвейном не только сыр и десерт, но и горячие блюда.

Так что слезы при отставке премьер-министра – это однозначно ЧП, чрезвычайное положение.

Мать Николая, вдовствующая императрица Мария Федоровна, прочитала 30 января в газете об увольнении Коковцова. В тот же вечер, встретившись с сыном в театре, задала ему вопрос: «Зачем ты это сделал?»

И получила ответ государя:

«А ты думаешь, что мне это легко? Когда-нибудь в другой раз я расскажу тебе все подробно, а пока я и сам вижу, что не трудно уволить министра, но очень тяжело сознаваться в том, что этого не следовало делать».

Мария Федоровна рассказала об этом разговоре при встрече Коковцову и добавила:

«Мы идем верными шагами к катастрофе. Государь слушает только льстецов. Я сама скорее чувствую инстинктом, но не умею ясно представить себе, что именно нас ждет».

Председатель российского правительства считал гонку вооружений опасной до последней степени. Гонка вооружений вселяет в массовое сознание мысль о том, что война неизбежна. Волна нервного возбуждения при этом поднимается так высоко, что захлестывает даже самых убежденных противников войны. Все это российский премьер-министр излагал еще в июне 1912 года германскому канцлеру Бетману-Гольвегу во время встречи в верхах между российским и германским императорами. Канцлер в свою очередь заметил, что Россия еще в 1910 году приняла так называемый мобилизационный план номер 18, рассматривающий Германию в качестве потенциального врага. Это было чистой правдой. Государь подписал этот план с подачи военного министра, и вероятный противник был высочайше утвержден. Суть плана в следующем. Мы не бьем врага сразу. Мы заманиваем его все дальше и дальше в глубь

нашей территории, там, в глубине России, армия пополняется призванными из запаса и тогда уже переходит в наступление и гонит врага с родной земли. Подобный план, во-первых, несомненно, дает представление о том, что российский царь владеет огромной территорией, ему есть куда заманивать.

Во-вторых, лавры Кутузова с его вынужденным маневром образца 1812 года не дают покоя. При этом о сдаче Москвы Наполеону никто не вспоминает. А в-третьих, Германия ответила в 1911-м введением чрезвычайного военного налога и новой могучей программой вооружения.

В 1912 году российской военный министр, в свою очередь минуя председателя правительства и Думу, которая утверждает военный бюджет, напрямую выходит на Николая с требованием денег. Ввиду быстрого вооружения Германии нам нужен единовременный кредит в 350 миллионов рублей плюс добавлять министерству 100 миллионов рублей ежегодно. Имя министра финансов Коковцова, который считает, что гонка вооружений подрывает финансовую стабильность страны, – синоним врага народа. Министр финансов отвечает военному министру: «Хорошо, у меня есть свободные 450 миллионов рублей, я отдам их, но я попрошу помощи у государя. Пусть государь повелит своим именем всем гражданским министрам, чтобы они не просили денег». Это означало – деньги пойдут только на войну. Государь ответил очень просто: «Представьте мне завтра проект моего повеления об этом всем министрам, и я подпишу его с большой радостью».

Через год в Петербурге, во время встречи начальников генеральных штабов России и Франции, генерал Жоффр в светской беседе с российским министром финансов Коковцовым не без ехидства заметил, что завидует русскому военному министру Сухомлинову, потому что тот всегда может получить денег столько, сколько хочет. В ответ Коковцов показал Жоффру один финансовый документ, и генерал Жоффр собственными глазами увидел, что у русского военного министра налицо 200 миллионов рублей, то есть 500 миллионов франков, неиспользованных кредитов. Раскланиваясь с генералом Жоффром, Коковцов заметил: «Если должностное лицо не крадет деньги – это еще не достижение, потратить их вовремя и на дело – вот искусство».

В 1913-м на совещании у государя по вопросам внутренней и внешней политики с участием премьер-министра, министра иностранных дел, министра внутренних дел, начальника Генштаба и пары великих князей военный министр поставил вопрос об увеличении призыва. Премьер, он же глава Минфина, был против: «Призыв составляет у нас 570 тысяч человек. Увеличение на 120 тысяч гладко не пройдет». Тут от силовиков поднялся министр внутренних дел Маклаков. Его речь свелась к следующему: не следует бояться увеличивать призыв, наоборот, надо стремиться к тому, чтобы все молодые люди проходили через армию, потому что армия воспитывает и возвращает народу окрепшие физически и морально кадры.

К лету 1914 года, то есть к началу войны, Россия пришла с армией мирного времени в 1 миллион 423 тысячи человек. После мобилизации она составила 5 миллионов 338 тысяч человек. У Германии до объявления войны армия насчитывала 761 тысячу человек, после мобилизации – 2 миллиона 415 тысяч. У России на момент войны было 7088 артиллерийских орудий, а у Германии – 6528. Винтовок у России – 5 миллионов штук, у Германии – столько же. У России – 263 аэроплана и 4100 автомобилей, у Германии – 232 и 4000. Если сравнивать экзотические средства ведения войны, то у России – 14 дирижаблей, а у Германии – 15. Правда, у Германии 12 000 пулеметов, а у нас – 4100, да тяжелых орудий у Германии 2076, а у нас – 240. Но это пустяки. Нагоним.

Мысль о военном паритете с Германией создавала ощущение государственного благополучия. Хотелось чего-то дерзкого и великого. Масла в огонь подливали союзники: «Россия – европейский паровой коток». Кавалерийская лава казаков производит сильнейшее впечатление на европейские умы. Газетные художники рисуют казаков в подробнейших деталях. «Рус-

ские ресурсы настолько велики, что Германия будет истощена без нашей помощи России», – сказал министр иностранных дел Великобритании сэр Эдвард Грей в апреле 1914 года президенту Франции Пуанкаре.

Надо сказать, что сэр Эдвард Грей в это время уже катастрофически быстро терял зрение и к тому же находился в глубокой депрессии после смерти жены. Российский лидер Николай Романов был бодр, жена была рядом, но политическое зрение было никудышным. Из всех возможных целей он сфокусировал его на мысли, что Россия – великая военная держава. Эта мысль была очевидна и его отцу, императору Александру III, но тот 14 лет своего правления не втягивал страну в военные конфликты. Как-то раз, когда Александр III ловил рыбу на берегу Финского залива, адъютант принес ему телеграмму из Европы, на что государь кратко и емко ответил: «Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать». По наследству вместе с тронном своему сыну Александр не передал выдержку рыбака.

Экс-премьер Витте высказал крамольную мысль: «В интересах России не следует пытаться играть лидирующую мировую роль, целесообразнее отойти во второй ряд мировых держав, организовывая тем временем страну, восстанавливая внутренний мир». Но уж чего не было у Николая, так это связи между внутренней и внешней политикой. В остальном все просто:

26 июня в Сараеве убит австрийский эрцгерцог Фердинанд.

20 июля – во Франции прекращены отпуска командного состава.

23 июля – Австро-Венгрия предъявляет ультиматум Сербии.

25 июля – Сербия объявляет мобилизацию.

Все еще надеются на мирный исход, а Ленин 25 июля уже пишет Инессе Арманд: «Мой дорогой, очень дорогой друг, все мои помыслы – о революции, которая начинается в России». В тот же день, когда Ленин написал это письмо, а французский президент Пуанкаре находился с визитом в Петербурге, свое письмо бабушке Марии Федоровне, жене Александра III, написал ее внук Алексей, сын Николая II: «Милая бабушка, президент Пуанкаре подарил мне чудный письменный прибор. Сегодня все – мама, папа, сестры – на параде. Любящий тебя Алексей».

28 июля – Австро-Венгрия объявляет войну Сербии.

29 июля – бомбардировка Белграда.

29 июля – Россия объявляет частичную мобилизацию.

31 июля – начало всеобщей мобилизации в России и Австро-Венгрии.

31 июля – Германия предъявляет России ультиматум: не прекратите мобилизацию – будет война. Ультиматум истек 1 августа в 12 часов дня. Николай не дал Вильгельму никакого ответа.

1 августа 1914 года Николай и его сестра великая княгиня Ольга присутствовали на смотре войск в Красном Селе. Ольга спросила у брата, следует ли ей остаться, чтобы в случае объявления войны лично проводить на фронт Ахтырский гусарский полк, шефом которого она была.

«Не беспокойся, душка, – ответил император. – Войны не будет. Поезжай домой».

Великая княгиня Ольга уехала в Петербург. Она принимала ванну, когда от Николая прибыл курьер и сообщил, что Германия объявила войну.

В 19:10 германский посол Пурталес явился к российскому министру иностранных дел Сазонову и от волнения вручил ему два варианта германского ответа. В случае, если Россия прекращает мобилизацию – мир, если не прекращает – война. Российский министр иностранных дел ответил:

«Я имею мужество взять на себя ответственность за войну, которая сделает Россию сильнее, чем когда-либо».

В ночь с 1 на 2 августа Николай вызвал к себе английского посла Бьюкенена и работал с ним с 11 вечера до часа ночи. В его присутствии он составил длиннейшую телеграмму английскому королю Георгу. Во втором часу ночи Николай зашел к императрице выпить чаю, после чего принял ванну и направился к себе, когда его догнал камердинер Тетерятников с телеграммой от императора Вильгельма. Через несколько часов после объявления войны России Вильгельм все еще в последний раз пытался убедить Николая не втягивать Россию в войну.

Судьба под видом камердинера Тетерятникова окликнула Николая в момент, когда он взялся за ручку двери своей спальни. Почему же фаталист Николай не прислушался к судьбе, когда она схватила его за рукав? Он же обязан был знать, что армии Самсонова и Ренненкампа, которые пойдут в Восточную Пруссию для отвлечения германских сил с Западного фронта, то есть для спасения Парижа, так вот, эти две русские армии пойдут без координации, без связи. По радио сообщения будут посылать открытым текстом, что называется клером, чему немцы крайне удивятся и будут черпать из них полную информацию. Генералы Самсонов и Ренненкампа не разговаривали друг с другом еще со времен Русско-японской войны. Николай лично остановил дуэль между ними. Николай должен был знать, что связь между командующим Северо-Западным фронтом Жилинским и командующими армиями будет осуществляться невероятным образом. От Жилинского адъютант на автомобиле едет на почтамт в Варшаву, отправляет телеграмму генералу Самсонову, потом опять за сотню километров едет туда же за ответом. Великий князь Олег Константинович, воевавший у Ренненкампа, пишет в дневнике:

«Обоз далеко. Все остались без кухни, без ничего. 14 дней в одном белье. (Это великий князь!) Я сам зарезал 20 кур. У солдат нет табака, папирос. Делюсь с ними тем, что присылают из дома».

Из дома, то есть от великого князя Константина Константиновича. У него, помимо Олега, в гусарском эскадроне воюют еще два сына – Гавриил и Игорь. Из воспоминаний Гавриила:

«Кони бредут по брюхо в вязком болоте, падают, затягиваются топью, исчезают. Гусары без коней ползут по болоту, некоторых больше не видно на поверхности. Игоря затянет до самого подбородка, над топью только голова и поднятые руки. С трудом вырвал его. Немцы, увидев, что мы тонем, ушли дальше».

Великий князь Олег будет смертельно ранен и скончается 22 лет от роду. Похоронен в Осташеве, на высоком берегу Рузы.

Многие приезжающие с фронта говорят о мародерстве. Солдат за мародерство секут. Ренненкампа мародеров нещадно расстреливает.

В газету «Киевская мысль» была прислана корреспонденция о безобразиях казаков в Галиции. Напечатали. Везде вместо слова «казаки» поставили «немцы». Когда редактору задали вопрос по этому поводу, он ответил: «Живем мы в России, и все знают, что под немцами надо подразумевать казаков».

Армия Самсонова в Восточной Пруссии будет окружена и разбита к 30 августа. 30 тысяч солдат будут убиты, 92 тысячи попадут в плен. В Германию отправят 60 поездов с трофеями. Генерал Самсонов покончит с собой, хотя война предоставляет другие возможности расстаться с жизнью.

Ренненкампа все это время будет бездействовать. Командующий фронтом Жилинский не будет координировать действия армий. Ренненкампа начнет самостоятельное отступление. Потеряет 145 тысяч человек, значительную часть армии все же сбережет.

Самсонов и Ренненкампа – лучшие генералы, которых сможет выставить русская армия.

С августа по декабрь 1914 года Россия потеряет 1 миллион 350 тысяч убитыми, ранеными и военнопленными.

В октябре Николай с наследником, десятилетним Алексеем, на месяц отправится из Петербурга в поездку по прифронтовой полосе. Раздача Георгиевских крестов, посещение перевязочных пунктов. Под Ровно, стоя перед строем солдат, Николай попросит поднять руку тех, кто на войне с самого начала. Поднимутся несколько рук. Будут целые роты, в которых не поднимется ни одна рука. Это означает: те, кто ушел на войну в августе, – все убиты.

Николай в 1914 году вручит третий Георгиевский крест знаменитому герою-казаку Кузьме Крючкову. Между прочим, полный Георгиевский кавалер в России имел 136 рублей золотом в год, 100 десятин земли, потомственное дворянство, первый офицерский чин и освобождение от налогов. Советская власть такой социальной защиты своим героям не дает. Проводевав всю Первую мировую, после революции, в начале 1918 года, Крючков создает белый партизанский отряд. Последний свой бой хорунжий Крючков ведет уже в составе Донской Белой армии. Красную армию в этом бою у станицы Островской представляют китайские наемники. Георгиевский кавалер Крючков ранен наемником пулеметчиком-китайцем. А ночью в хату, где умирал Крючков, явится пьяный командарм Буденный и заорет: «Встань, белая гнида!» Крючков плюнет ему в лицо. Буденный лихо зарубит лежащего перед ним смертельно раненого Крючкова.

С конца августа 1914 года в Большом дворце Царского Села открыт лазарет, названный «Собственным Ея Величества лазаретом». Императрица со старшими дочерьми Ольгой и Татьяной проходят курс сестер милосердия военного времени. Им преподает главный врач царскосельского госпиталя, хирург-орденоносец, специалист по полостным операциям княжна Вера Игнатьевна Гедройц.

В обязанности женской части семьи Николая входят перевязки и обработка ран, смена постельного белья раненым, они присутствуют на операциях, уносят ампутированные руки и ноги.

Позже для тяжело раненных солдат был открыт лазарет в Зимнем дворце. Под него отведены все парадные залы, за исключением Георгиевского. Снята часть картин и статуй, полы покрыты линолеумом.

Раненых вносили по Иорданской лестнице. В Николаевском зале – раненные в голову и позвоночник. В Восточной галерее – ранения в конечности. В Гербовом зале – ранения в брюшную полость и тазобедренный сустав. Самые тяжелые – в Петровском зале за ширмами. Операционная – в комнате за Александровским залом. Перевязка – в Фельдмаршальском. В каждом зале – до 200 человек. Работают отличные специалисты.

Сестрами милосердия руководит баронесса Иксуль. Большинство женщин русского высшего света честно вынесли на себе все тяготы работы в лазаретах. Потом они говорили, что нищая жизнь в эмиграции после работы в лазарете уже была не страшна.

Честь и хвала им. Но в государственном военно-санитарном ведомстве царит полный хаос. В 1914 году верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич настаивал на снятии с должности начальника этого ведомства некоего Евдокимова. Его не удаляли, так как он пользовался расположением военного министра Сухомлинова и императрицы. Говорили, что Александра Федоровна желала просто поступить наперекор свекрови.

23 августа в Москву привезли 9000 раненых. Валили на солому в лазарете университета Шанявского (теперь это РГГУ). Без пищи. Без врачей.

В военных госпиталях полная нехватка всего, раненые лежат полуголые. Земский союз присылает белье – военное начальство запрещает им пользоваться.

Когда в госпиталь приезжает царь, возникает полная мешанина.

В Лефортовском госпитале во время приезда царя построена стена, отделявшая тяжелобольных, чтобы царь их не видел. Госпиталь переполнен. Лишних быстро вывозили, несколько тысяч человек лежали неделю в вагонах на запасных путях.

Распоряжение военных властей: если русский офицер вовремя не оказался в палате, с него приказано снимать штаны. Мера о штанах прививается. В некоторых госпиталях сняты штаны с военнопленных врачей, которые помогают нашим врачам. Ходят в подштанниках. Сестры жались и сшили им теплые штаны за свой счет.

Трезвой оценки поражения в Восточной Пруссии никто не даст. Катастрофа на Восточном фронте будет прикрываться репортажами о победах на Южном и Юго-Западном фронтах. Министр Сухомлинов будет давать оптимистические интервью. Британский связной офицер при штабе армии Самсонова, очевидец ее трагедии, доложит Черчиллю, в то время военноморскому министру Великобритании:

«Главная беда России – в желании всячески приукрасить ситуацию».

Николай очень плохо разбирался в людях, но это свойство своего окружения он обязан был знать.

Сергей Юльевич Витте говорит об этом очень прямо: «Государь сие знал и допускал». И дальше: «Царь, не имеющий царского характера, не может дать счастья стране».

За год до войны бывшего председателя Государственной думы Александра Ивановича Гучкова интервьюировали как специалиста по общественному мнению. Вопросы были такие: Начинать войну или нет? Если будет война, произойдет ли революция? Гучков ответил, что война означает неизбежную революцию. Государь может рассчитывать на преданность только гвардейских полков.

В феврале 1914 года бывший министр внутренних дел в правительстве Витте П. Н. Дурново направил Николаю записку, в которой писал, что война смертельна и для России, и для Германии.

«В побежденной стране неминуема социальная революция. Она неминуемо перекинется и на страну-победительницу, потому что Германия и Россия слишком тесно и давно связаны. Особенно благоприятные условия для революции война создаст в России».

Как в воду глядел П. Н. Дурново (и про Россию, и про Германию). Николай читал его записку. Но и это не главное. Николай смог бы избавить Россию и от Первой, и от Второй мировых войн, и от революции в ночь перед началом войны, если бы в тот миг, когда он взялся за ручку двери их общей с женой спальни, он, российский император, подумал о своих детях – о четырех девочках и одном больном мальчике. Если бы он в этот миг отпустил бы на волю свои эмоции и во всю силу отцовских чувств представил себе их возможный кошмарный конец. Тогда он сквозь кровавую пелену ближайших четырех лет увидел бы, как он будет спускаться в подвал с сыном на руках, как у него отнимут сына и вместе с дочерьми поставят к стенке. Он отчетливо расслышал бы звуки выстрелов в его детей, услышал бы крик и стон родных голосов, рассмотрел бы, как его девочек будут добивать штыками и прикладами и еще дважды выстрелят в ухо его четырнадцатилетнему сыну.

Не выдерживает критики самый главный миф о Николае – миф о том, что он человек, который больше всего на свете любил свою семью. Если бы он умел любить своих детей, он уберег бы не только их, но и Россию.

Наутро 2 августа 1914 года Николай сообщил французскому послу Морису Палеологу:

«Я спал необычайно крепко. Когда я проснулся, я чувствовал себя так, как будто камень свалился с моей души. Я почувствовал, что все кончено навсегда между мной и Вильгельмом».

2 августа 1914 года, в 15.30, в Георгиевском зале был отслужен молебен, на котором присутствовало около 5 тысяч человек. Главным образом офицеры. Они в походной форме. По окончании молебна Николай объявил о начале войны:

«Офицеры моей гвардии, я приветствую в вашем лице всю мою армию и благословляю ее. Я торжественно клянусь, что не заключу мира, пока остается хоть один враг на родной земле».

Это заявление – точный повтор слов, которые Александр I произнес в 1812 году.

Потом государь пошел в залы, выходящие на Дворцовую площадь, и вышел на балкон.

При виде государя гигантская толпа, запрудившая Дворцовую площадь, упала на колени и запела «Боже, царя храни». Царь хотел что-то сказать, его сбило громовое «Ура!». Председатель Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко, протискиваясь сквозь толпу, спросил у попавшихся ему рабочих, как же теперь будет с забастовками. «То было наше семейное дело; теперь мы пришли к своему царю как к знамени, и мы пойдем с ним во имя победы над немцами». Война была повсеместно встречена с каким-то опьянением. По поместьям крестьяне приходили к господам прощаться, то есть получать на чай. Крестьяне в ярких рубахах по-праздничному, некоторые в ясный летний день в лакированных калошах. Будущий глава Временного правительства Александр Федорович Керенский свидетельствовал: «Учитывая огромные просторы страны, результаты мобилизации внушительны – лишь 4 процента военнообязанных не прибыли в срок к месту приписки».

Война для России началась с погрома магазинов, принадлежавших русским немцам. На третий день громили германское посольство, привратник бежал на крышу и там был убит, толпа заполнила особняк, била стекла, выбрасывала в окна мебель, мрамор и бронзу эпохи Возрождения. К утру 5 августа жандармский полковник Сизов докладывал министру внутренних дел Маклакову: «Так что, ваше превосходительство, германцы начисто выгореть изволили».

31 августа указом Николая Петербург переименовали в Петроград. Некоторые владельцы немецких фамилий обратились к Николаю с просьбой о русификации своих имен. Николай не дал согласия.

Однажды княгиня Зинаида Николаевна Юсупова заметила государю, что общество раздражено на придворных «немцев».

«Дорогая княгиня, – ответил государь, – что же я могу сделать? Они любят меня. Правда, многие стары и выжили из ума, как бедняга Фредерикс. Третьего дня он подошел ко мне, хлопнул по плечу и сказал: „И ты, братец, здесь? Тоже зван к обеду?“»

8 августа состоялось историческое заседание Государственной думы. Присутствовали все министры и дипломаты дружественных держав. Выступление министра иностранных дел Сазонова было встречено овацией. В его голосе слышались слезы. Министр финансов Барн доложил Думе о блестящем состоянии финансов и о том, что хранившиеся в Берлине деньги были вовремя вывезены.

В это время Ленин направил Каменеву телеграмму. Он давал четкие инструкции. Депутаты-большевики должны в полном одиночестве заявить на заседании Думы, что они против войны и желают России поражения, потому что это приведет к гражданской войне и победе рабочего класса.

Вместе с Лениным война вызвала воодушевление у российского бизнеса. У него на это были свои, экономические причины.

Германский капитал доминировал на российском рынке в базовых отраслях. Еще до войны бизнес попытался воздействовать на власть с целью закрытия русского рынка для Германии. Такую экономическую политику приветствовали англичане.

Английская королева Виктория, бабушка русской императрицы Александры Федоровны, жены Николая II (англичане называли ее Аликс), правила Англией с 1837 по 1901 год. Если перевести на русские реалии, то это значит от Николая I до Николая II. Или от Пушкина до Блока. И ее правление составило в Британии целую эпоху, соответственно Викторианскую.

На Монпелье-сквер, в одном из старых уважаемых мест в Лондоне, английский писатель Джон Голсуорси поселил своего Форсайта, классического человека Викторианской эпохи. Форсайт и такие, как он, – собственники.

Трезвые, уверенные в себе, они уже избавились от тех комплексов, которые свойственны быстро разбогатевшим выходцам из низов. Их легендарный здравый смысл заставляет их презирать болтунов и радикалов, ценить стабильность, уважать труд и деньги. Эти люди к концу Викторианской эпохи, то есть к началу XX века, стали опорой Англии. Россия таких людей в нужном количестве не вырастила. И ей это дорого обошлось.

В 1914 году начинается короткий период политического единения русского бизнеса и русской монархии. Писатель Михаил Пришвин отмечает, что с началом войны в деревне исчезли хулиганы и черносотенцы. Дело в том, что в 1914 году вся Россия вмиг стала националистической. В довершение картины всеобщего патриотического подъема к Рождеству Священный Синод запретит елочку «как вражескую немецкую затею, чуждую православному народу».

С прискорбием надо сказать, что еще до того, как все завертелось, до того, как Австрия объявила войну Сербии, 26 июля в Петербурге уже прошла грандиозная уличная манифестация. Толпа кричала: «Да здравствует война!» 1905 год был забыт, Николай чувствовал, что он любим.

Русские офицеры полагали, что война продлится шесть недель, раздумывали, сразу ли брать с собой парадную форму для въезда в Берлин или ее вышлют на фронт с первым курьером. Немецкие офицеры, в свою очередь, рассчитывали 2 сентября завтракать в Париже. Очень осведомленный английский военный атташе в Брюсселе заявил, что имеются финансовые причины, из-за которых великие державы долго не продержатся. Он слышал это от премьер-министра, сказавшего, что так думает лорд Холдейн. В Петербурге пессимистов, которые говорили, что война продлится шесть месяцев, обвиняли в пораженчестве.

За год до начала Первой мировой войны умирает генерал-фельдмаршал Альфред фон Шлиффен, крупнейший военный теоретик, начальник Генштаба Германии до 1905 года. Он автор теории блицкрига, или молниеносной войны. Идея Шлиффена была в том, чтобы обходным ударом через Бельгию быстро разбить главные силы Франции и обрушиться на Россию. Именно этот план Шлиффена германский Бундесвер пытался реализовать и в Первую, и во Вторую мировую войну.

В 1914 году план молниеносной войны реализовывал начальник германского Генштаба Гельмут фон Мольтке. Генерал-полковник Мольтке был убежден, что война будет длительной и изнуряющей.

19 января 1917 года, в 11 часов утра, на аудиенцию к Николаю в Царское Село приедет отставленный в 1914 году экс-премьер Владимир Николаевич Коковцов. Когда он входит в кабинет, государь стоит у окна у самых входных дверей. Он не предлагает посетителю сесть. Внешний вид Николая таков, что Коковцов спрашивает о состоянии его здоровья.

Он страшно исхудал, лицо осунулось и покрылось мелкими морщинами. Глаза выцвели, полностью утратили темно-коричневый оттенок, белки совсем желтые. Взгляд постоянно переключался с предмета на предмет.

Коковцов произносит: «Ваше величество, те, кто видит вас часто, очевидно, не замечают вашей перемены».

Государь с беспомощным выражением лица отвечает: «Я здоров и бодр, мне просто приходится много сидеть без движения. Может быть, я неважно спал эту ночь. Вот пройду по парку и снова приду в лучший вид».

Государь не может вспомнить, зачем он вызывал Коковцова. Со странной бессознательной улыбкой он смотрит на собеседника, как будто ищет у него поддержки. Он совершенно растерян, молчание тянется слишком долго. Все продолжая улыбаться, государь говорит: «Я

не готов сегодня к разговору, я подумаю, напишу вам, и при следующем свидании мы уже обо всем подробно поговорим». С той же улыбкой государь подает Коковцову руку и сам отворяет дверь в приемную.

В приемной доктор Боткин. Коковцов обращается к нему: «Вы что, не видите, что государь накануне душевной болезни, если уже не в ее власти, и вы понесете тяжелую ответственность, если не примете меры». Доктор Боткин отвечает, что государь просто устал.

Это было за пять недель до Февральской революции. В 1918 году доктора Боткина расстреляют вместе с Николаем.

1915

Год 1915-й. Русская армия отступает. Отступление на фронте оборачивается немецкими погромами на фабриках, в магазинах и частных квартирах в Москве. В Цюрихе Ленин мечтает о перерастании мировой войны в гражданскую. Весной 1915-го в Берне в Швейцарии проходит женская конференция с участием Крупской, Клары Цеткин и жены Зиновьева Лилиной. Дамы мечту Ленина о гражданской войне не поддержали. Проголосовали за лозунг «Труженицы всех стран, объединяйтесь!».

В это же самое время старец Григорий Распутин совершает свой легендарный загул в ресторане «Яр».

В разгар Русско-японской войны и революции в 1905 году русский император Николай пригласил приехать из Парижа французского медиума доктора Пайноса. Целью этого приглашения было желание Николая посоветоваться с духом своего отца Александра III о средствах умиротворения страны.

Самым подходящим местом для вызывания духа сочли детскую наследника Алексея, которому не исполнилось еще и года. Дух Александра III якобы неизменно являлся во время медиумических сеансов. Николай, вероятно, чувствовал себя Гамлетом. Наследник Алексей, очевидно, духа деда не видел, потому что спал.

В своем дневнике Николай не оставил информации о советах отца, зато ноября 1905 года появляется запись:

«Пили чай с Милицей и Станой, познакомились с человеком Божьим Григорием из Тобольской губернии».

В свою очередь Божий человек Григорий из Тобольской губернии, то есть Григорий Распутин, позже делился своими воспоминаниями о знакомстве с первой российской четой:

«Когда революция подняла высоко голову, то они очень испугались. И давай складывать вещи, чтобы куда-то спрятаться. Я долго их уговаривал плюнуть на все страхи и царствовать. Все не соглашались. Я на них начал топтать ногою и кричать. Первая государыня сдалась, а за нею и царь. Царица подняла кверху руки и со слезами сказала: „Григорий! Если все люди восстанут на тебя, то я не оставлю тебя, не слушаюсь”».

Царица, не лишённая воли, свое слово сдержала. Но даже лишённый воли Николай остался в этом вопросе непоколебимым настолько, что, можно сказать, пожертвовал короной, лишь бы оставить около себя Распутина.

Распутин обращался с венценосной парой сурово, уверенно и непринужденно. Это почерк опытного дрессировщика.

Морис Палеолог, французский посол в России, писал, что царь и царица в красочном многословии Распутина слышали, как им показалось, «голос земли русской». Поэтому, не отрекшись от Распутина, последние Романовы в соответствии с русской трагической традицией в известном смысле отдали жизнь за народ. Вообще поразительно, что русский царь разделил классическое представление русской интеллигенции, во-первых, о народе, а во-вторых, о том, как надо его любить. В данном, романовском, случае им даже не пришлось ходить в народ. Народ в лице Распутина сам к ним пришел. Суть знаменитой гипнотической силы Распутина как раз и заключалась в том, что Романовы приняли Распутина за народ. Он и был плоть от плоти народа.

На допросе в ЧК, но не в знаменитой ЧК, а в первой, организованной Временным правительством после Февральской революции, 6 апреля 1917 года соратник Распутина, знаме-

нитый великосветский гомосексуалист князь Андроников, рассказал: «Распутин нашел великий князь Николай Николаевич. У великого князя заболела собака. Он приказал ветеринару, чтобы собака выздоровела. Ветеринар сказал, что у него есть заговорщик в Сибири, который может заговорить собаку. Заговорщика выписали. Оказался – господин Распутин. Случайно или нет, но факт, что собака не околела. Потом он вылечил невесту великого князя Николая Николаевича».

Как раз с ней, черногорской княжной Анастасией, в первом браке герцогиней Лейхтенбергской, а по-домашнему Станой, и с ее сестрой Милицей и пил чай Николай, когда впервые увидел Распутина. Именно эти две сестрицы притащили чудотворца Распутина во дворец.

Экс-премьер Витте конкретно указывает на главную цель черногорок в истории с Распутиным: «Прежде всего явилось у них желание раздобыть побольше денег. Вообще эти особы крепко присосались к русским деньгам». Впоследствии, в эмиграции в Антибе, великому князю Николаю Николаевичу было на что жить. Стана была бережлива. Распутин лично благословил брак великого князя и черногорки. И, надо сказать, не только в благодарность за пропуск в Зимний. Черногорки номер 1 и номер 2, Сцилла и Харибда русского двора, Стана и Милица были ему готовыми клиентами.

Отец убийцы Распутина Феликса Юсупова, Феликс Юсупов-старший, вспоминает: «Однажды в Крыму встретил великую княгиню Милицу в карете с каким-то незнакомцем. Я поклонился ей, но она на поклон не ответила. Позже я спросил ее почему. Она ответила: „Потому что вы не могли меня видеть. Ведь со мной был доктор Филипп. А он был в шляпе. А когда он в шляпе, он и его спутники невидимы”».

Шарлатан доктор Филипп был во дворце до Распутина. Распутин его сменил.

1915 год. Петербург. Из полицейских донесений.

24 НОЯБРЯ. Распутин пришел домой очень пьяный и сейчас же ушел.

Вернулся в два часа ночи совершенно пьяный.

3 ДЕКАБРЯ. Распутин ушел с квартиры и вернулся пьяный.

5 ДЕКАБРЯ. Распутин вернулся в три часа ночи пьяный.

7 ДЕКАБРЯ. Распутин вернулся домой в пять часов утра довольно пьян.

15 ДЕКАБРЯ. Распутин с подполковником Езерским отправился на моторе в ресторан «Вилла Родэ» и в два часа ночи наблюдением были там оставлены.

20 ДЕКАБРЯ. Распутин с секретарем митрополита Питирима Осипенко отправились в ресторан «Вилла Родэ». Распутин вернулся домой около семи утра мертвецки пьяный.

Декабрь 1915-го – месяц не исключительный. Полицейские донесения за весь 1915 год фиксируют столь же однообразную картину. Пьянство между тем никого не должно вводить в заблуждение.

Это просто одно из принятых условий игры. Сама игра велась абсолютно трезво.

В 1915 году средства массовой информации впервые принялись за Распутина. Французский посол в России фиксирует это конкретной датой – 29 августа. До сего дня цензура и полиция защищали Распутина от всякой критики в газетах. В начале 1912 года вышла была серия статей, осуждающих Распутина за безнравственность по статье 1001 Уложения, то есть за порнографию.

Но статьи были арестованы, суды, под давлением министра юстиции Щегловитова, эти аресты утверждали. В одной из московских типографий был рассыпан шрифт и уничтожен текст подготовленной брошюры о Распутине, чем была крайне раздосадована старшая сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна, которая читала текст брошюры и надеялась на ее эффект в Царском Селе.

Из допроса бывшего министра внутренних дел Протопопова в ЧК Временного правительства 21 июля 1917 года:

– Были такие статьи, про которые я прямо указывал, что их нельзя печатать. Я указывал, и мне указывали.

– Кто вам указывал?

– Царское Село. Мне говорили, что печать надо обуздать, говорили: „Что вы допускаете, разве это возможно?“»

Николай жаловался: «Я не понимаю, неужели нет никакой возможности исполнить мою волю?»»

Военный министр Поливанов вспоминал, что ему был известен циркуляр, коим запрещалось писать о Распутине.

В 1915 году произошел настоящий прорыв. Кампанию против Распутина открыла газета «Биржевые ведомости». Было откровенно рассказано о разврате, интригах, воровстве, скандальных связях с высшим чиновничеством и высшим духовенством. Газета при этом избежала всякого намека на близость к царю и царице, но задалась вопросом, не является ли сговор бюрократии с Распутиным самым страшным обвинением режиму.

Публика восхищалась, что министр внутренних дел князь Щербатов разрешил публикацию этой статьи, но единодушно предсказывала, что он ненадолго сохранит свой портфель.

Где-то через неделю после выхода статьи, в первых числах сентября 1915 года, во время прогулки Распутин сказал сопровождающему его полицейскому охраннику: «Да, парень, душа очень скорбит, от скорби оглох». Охранник спросил его: «Почему это у вас так?» – «Да потому, парень, неладное творится в стране, да проклятые газеты пишут обо мне, раздражают, придется судиться». Министр внутренних дел князь Щербатов был снят с должности в середине сентября. На его место был поставлен Александр Хвостов, давний пациент Распутина.

Хвостов вспоминал, что однажды он захотел по просьбе жены лечиться от грызения ногтей и обратился к доктору-гипнотизеру, но тот не помог Хвостову, сказав, что есть в нем, Хвостове, мощная сила воли. Тогда Хвостов обратился к Распутину, и силу его гипноза он ощутил на себе очень определенно. Позднее он частенько плясал для Распутина у него на квартире в доме 64 по Гороховой улице.

Обычно они встречались на конспиративных квартирах. Одна из них месяца на три-четыре была нанята на Итальянской улице, другая – в переулке на Фонтанке, возле Министерства внутренних дел.

Эту квартиру обставлял лично шеф жандармов полковник Комиссаров, кстати после революции сотрудник уже той самой ВЧК. Комиссаров оборудовал на конспиративной квартире столовую, снабжал ее всем необходимым для деловых обедов и ужинов, под видом лакея посадил в квартире женатого филера.

На этой же квартире с Распутиным встречался и директор департамента полиции Белецкий. Его ведомство отвечало за политический сыск. После отставки министра внутренних дел Щербатова за статью о Распутине и назначения Хвостова на МВД Белецкий, с благословения Распутина, стал товарищем, то есть заместителем, министра внутренних дел.

Для тайных свиданий с претендентами на крупные государственные должности использовались также казематы Петропавловской крепости. Дочь коменданта Петропавловки генерала Никитина была пламенной поклонницей Распутина. Она отправлялась за Распутиным в город и привозила его в своем экипаже в крепость.

Здесь, в комнате мадемуазель Никитиной или в каземате, Распутин встречался с будущим премьер-министром Штюмером. Уход Горемыкина с премьерского поста для Распутина уже был делом решенным. 14 июня 1917 года на допросе Штюмер признался, что встречался с Распутиным в Петропавловской крепости. На том же допросе он сообщил, что на следующий день после своего назначения он, председатель Совета министров Российского государства, отправился на обязательную встречу с Распутиным на квартиру артистки частного театра Лерма г-жи Орловой. Объяснить, почему было выбрано столь странное место для встречи, Штюмер был не в состоянии. Он сказал: «Потому что другого места не было».

Штюмер на премьерский пост был предложен митрополитом Петроградским Питиримом. С Питиримом Распутин был на «ты». Впрочем, это неточно, потому что Распутин со всеми был на «ты». С Питиримом Распутин был на «ты», на «сволочь». У Питирима в лавре Распутин также устраивал встречи с министрами. При этом Питирим всем постоянно объяснял, что он с Распутиным незнаком.

Хвостов вспоминает: «Был большой конфуз. Питирим меня уверял, что он незнаком с Распутиным, а я застал у него Распутина».

Именно Распутину Питирим обязан назначением в Петроград. Сначала Питирим был епископом Тульским, но епархией на самом деле управлял его келейник Митрофаньч, находившийся с епископом в самых что ни на есть интимных отношениях. Затем он был переведен во Владикавказ, где келейником около него появляется Осипенко, впоследствии закадычный приятель Распутина, по одной версии – незаконный сын самого Питирима, а по другой – находившийся с Питиримом в тех же отношениях, что и его предшественник.

Потом Питирима перевели в Самару, а затем он стал экзархом Грузии. 23 ноября 1915 года Питирим неожиданно получил назначение в столицу. О мотивах назначения вспоминает поклонница Распутина г-жа Жуковская: «Распутин выскочил из-за стола и ударил в ладони: „Эх, барыня, сударыня... ее мать твою консисторию, а Питирима, сукина сына, проведем в митрополиты, ой, барыня, сударыня, мне что Синод, я знаю сам. Мне что Собор, плевать мне на церковь, мне что патриарх, на х... его, что Питирим, мне штоб было, как сказал!”»

Сергей Юльевич Витте говорил, что «церковь у нас обратилась в мертвое бюрократическое учреждение, церковное служение в службу земным богам. Мы постепенно становимся меньше христианами, нежели приверженцы других христианских религий. Мы делаемся постепенно менее всех верующими».

Кстати, о Синоде. Синод – это бюрократический орган, возглавляемый светским лицом. Создан Петром I для контроля и управления церковью. В Синоде у Распутина были друзья – директор хозяйственного управления, обер-секретарь и казначей. Казначей был у Распутина осведомителем. С женой казначея Распутин находился в половой связи.

Большой неожиданностью для Распутина стало назначение нового обер-прокурора Самарина. С прежним, Саблером, Распутин был в добрых отношениях, говорил про него: «Ведь Цаблер-то мне в ноги недавно поклонился. За то, что его в прокуроры доспел». При этом Распутин изображал, как Саблер ему кланялся. А тут – раз, и вместо Саблера – Самарин, который Распутина ненавидел и ненависти своей не скрывал.

Самарин продержался на посту с июля по сентябрь 1915 года. Любопытна сама процедура его отставки. Самарин прибыл к Николаю в Ставку и заговорил о влиянии «темных сил». Царь был любезен, пригласил к ужину, за ужином любезность государя еще возросла. Самарин вернулся в Петроград очарованным. Николай наутро написал премьеру записку: «Я вчера забыл сказать Самарину, что он уволен. Потрудитесь ему это сказать».

После отставки Самарина Распутин не успокоился. Так как на МВД он уже посадил Хвостова, то на должность обер-прокурора Синода был назначен родственник Хвостова Волжин. Потом Хвостов заинтриговал в надежде на премьерское место. Интрига не клеилась. Хвостов уже был готов собственноручно убить Распутина. Но тут Николай под непосредственным вли-

янием Распутина назначил главой правительства вышеупомянутого Штюрмера, которого сам Распутин называл старикашкой на веревочке. Хвостов слетел с МВД, а его родственник Волжин лишился поста обер-прокурора Синода. Вместо него был назначен Николай Раев, который до этого был начальником Высших женских курсов. Хвостов, уходя в отставку, в качестве выходного пособия прихватил миллион казенных рублей.

Если общение высших должностных лиц с Распутиным на конспиративных квартирах оказывалось недостаточным, те отправляли своих жен на Гороховую, 64, где жил Распутин.

Рабочая комната в квартире Распутина была обставлена кожаной мебелью. Здесь проходили встречи Распутина с представительницами высшего петроградского общества. Потом Распутин провожал даму со словами: «Ну-ну, матушка, все в порядке». По завершении приема посетительниц Распутин обычно отправлялся в баню, находившуюся напротив. Данные им в таких случаях обещания всегда исполнялись.

В отличие от дневных деловых визитов, ночи в квартире Распутина были шумными. Соседом Распутина имел несчастье быть чиновник Синода г-н Благовещенский. Так вот он вспоминал: «Пишу у себя в кабинете, а за стеной собралось очень большое веселое общество. К 12 часам пришли музыканты, человек 10–12, из какого-нибудь увеселительного сада. Опереточные мотивы перешли в бурную пляску. Неоднократно пропели грузинские песни. Потом, по-видимому, „сам” пел и плясал соло.

В этот день кухонное окно было открыто, штора приподнята. На кухню за закусками, фруктами, вином и морсом приходили все больше дамы и барышни. „Сам” несколько раз выбежал на кухню. Всю посуду мыли сами, прислуги нет, все прибирали дамы».

С весны 1915 года главное наступление Германии начинается на Восточном фронте, то есть против России. Российская армия к весне в полной мере уже ощущала снарядный голод.

Немцы почувствовали слабину. На десяток неприятельских снарядов мы отвечали одним. Из телеграммы командующего Юго-Западным фронтом Николая Иудовича Иванова, одного из самых толковых наших генералов (он пишет начальнику Генштаба Янушкевичу): «Остающийся у меня запас патронов не покрывает четверть комплекта». Также ощущается нехватка винтовок. Об отчаянии фронтового командования свидетельствует телеграмма с предложением вооружить пехотные роты топорами, насаженными на длинные рукоятки.

В результате страшных потерь в пехоте не хватало офицеров. Их переводили в пехоту из кавалерии. Так, по собственному желанию в пехоту перешел муж великой княжны Татианы Константиновны Константин Багратион. Он командовал ротой у генерала Брусилова и в первом же бою был убит пулей в лоб.

К сентябрю 1915 года Российская империя полностью потеряла Польшу, Литву, часть Латвии и Белоруссии. Оставлены города: Варшава, Вильно, Ковно, Гродно, Брест. Современники назвали этот кошмар великим отступлением. Наша армия теряла по 200 тысяч человек в месяц убитыми и ранеными, за 1915-й потерял почти миллион солдат и офицеров пленными. 40 тысяч лучших офицерских кадров призыва 1914 года были практически выбиты.

Офицерские школы ускоренным методом выпускали по 35 тысяч офицеров в год. Теперь на 3 тысячи солдат приходилось 10 офицеров не лучшей квалификации.

Отцами своим солдатам они быть не умели, слугами царю, как выяснилось, тоже.

Кроме того, уже к началу войны две трети офицеров – от подпоручика до полковника – были либо крестьянского, либо разночинного происхождения. Овеянные позднейшими легендами выпускники юнкерских училищ на четверть состояли из крестьян.

Постоянный представитель британского командования в России полковник Нокс беседовал с русскими солдатами. Вот их представления о тактике: «Мы будем отступать до Урала, и в армии неприятеля останется один немец и один австриец. Австрийца возьмем в плен, а немца уьем».

Общий отход русской армии сопровождался бегством огромных масс населения. Одна пятая часть населения России либо бежала, либо оказалась в оккупации.

Соратник убитого Столыпина Александр Васильевич Кривошеин писал: «Из всех испытаний войны исход беженцев – самое серьезное и трудноизлечимое. Болезни, печаль и нищета движутся вместе с беженцами на Россию. Они создают панику и уничтожают все, что осталось от порыва первых дней войны. Следующая миграция приведет Россию во мрак революции».

Генерал Поливанов, военный министр, в августе 1915 года говорил, что остается верить в необозримые пространства, непролазную грязь и милость святого Николая Чудотворца, покровителя святой Руси. С другой стороны, тот же Поливанов говорил, что произойдет национальное несчастье, когда события приблизятся к Твери и Туле.

При этом в Первую мировую войну в России никому не пришла в голову простая и зверская мысль о заградотрядах, когда дивизии НКВД стоят за спинами фронтовиков и пулеметным огнем гонят в наступление.

Вместо этого крайне обеспокоенный начальник Генштаба генерал Янушкевич пишет Николаю из Ставки: «Необходимо пообещать каждому солдату-крестьянину надел земли за верную службу. Как утопающий хватается за соломинку, я пытаюсь найти любой способ выхода из сложившегося положения».

Чудное дело. Именно об этом в это же самое время говорит Распутин. По его мнению, монастырские и казенные земли следует разделить между безземельными участниками войны. «Частные помещичьи земли тоже следует отдать и распределить среди солдат», – говорит Распутин.

В двадцатых числах марта 1915 года Распутин приехал в Москву, чтобы помолиться в Кремле на могиле героя российского Смутного времени начала XVII века патриарха Гермогена. Об этом никакой информации не было, зато о том, как Распутин провел вечер 26 марта, узнала вся Россия.

Из донесения начальника охранного отделения Мартынова товарищу министра внутренних дел по полицейским делам генералу Джунковскому:

«26 марта около 11 часов вечера в ресторан „Яр” прибыл известный Григорий Распутин, в сопровождении двух дам и журналиста московских и петроградских газет Николая Николаевича Седова. Заняв кабинет, вызвали издателя газеты „Новости сезона” потомственного гражданина Кугульского».

Надо сказать, приглашение Распутиным в «Яр» представителей средств массовой информации обращает на себя внимание. Вполне вероятно, Распутин хотел огласки того, что произойдет в «Яре». Строил на этой огласке свой план, намеревался, кроме пьянки, получить дополнительное удовольствие, пиарился и работал на широкую аудиторию – от ресторанных очевидцев до Царского Села. Жаль, не было телевидения.

Возвращаемся к донесению охранки. Распутин пригласил женский хор, который спел и протанцевал матчиш и кекуок. Матчиш и кекуок – жутко модные танцы начала века.

Кекуок – от английского cakewalk – довоенный танец американских негров. Матчиш вообще звучал повсеместно. Даже работа кассовых аппаратов в магазинах сопровождалась мелодией: «Матчиш – прелестный танец та-ра-та». То же самое пели гудки автомобилей. У Ильфа и Петрова в «Золотом теленке» медный рожок легендарной «Антилопы гну» издает эти веселые и во времена Остапа Бендера уже старомодные звуки.

Кроме того, танцуя матчиш, партнеры могли поцеловаться. Но для Распутина «поцеловаться» – ниже мужского достоинства.

Цитирую донесения дальше. Сначала пьяный Распутин плясал русскую. Потом его поведение приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавал им записки с надписями «Люби бескорыстно».

На замечание заведующего хором о непристойности такого поведения Распутин возразил, что он всегда так держит себя перед женщинами. Потом Распутин стал откровенничать в таком роде: «Этот кафтан подарила мне „старуха” (то есть императрица), она его и шила. Эх, что бы „сама” сказала, если бы меня сейчас увидела!»

Глава московской полиции генерал Адрианов хотел лично доложить государю о скандале в «Яре», явился в парадной форме в Царское Село. Но комендант Императорских дворцов генерал Воейков не допустил его к царю. Впоследствии Адрианов написал докладную о том, что скандала Распутин в «Яре» не устраивал.

Товарищ министра внутренних дел генерал Джунковский лично передал государю свою записку о скандале в Москве, затем 1 июня сделал подробный доклад Николаю, в котором изложил свои взгляды и на Распутина, и на Россию, указав на разлагающее влияние и власть Распутина, которые угрожают государству и династии.

Второй, еще более подробный, доклад государю Джунковский сделал 4 августа.

10 августа Распутин сказал агенту Джунковского: «Ну, а ваш Джунковский...» – и свистнул.

Через пять дней после этого свиста Николай отправил Джунковского в отставку.

После скандала в «Яре» по совету врача Распутин уехал на родину, в Тобольскую губернию, в село Покровское.

Потом на неделю вернулся в Петербург и снова отбыл в Покровское на пароходе под названием «Товар-пар».

На пароходе пьяный Распутин заставлял солдат петь хором, обозвал официанта жуликом, заявив, что тот украл у него 3000 рублей. Наконец, позволил себе неуважительно отозваться об императрице и ее дочерях, а в заключение заснул в своей каюте и обмочился.

Справедливости ради надо сказать, что иногда Распутин вызывал сильнейший гнев Николая. Бывали периоды, когда Николай даже не пускал его к себе на глаза, но Распутин в свое оправдание всегда говорил, что он, как и все люди, грешник, а не святой. Не святой. И с этим тезисом государю трудно было спорить.

Как-то раз в Покровском пошел Распутин в гости к брату Николаю. Пришел туда же отец Распутина и начал ругать сына Григория самыми скверными словами. Распутин как бешеный вскочил из-за стола, вытолкнул отца во двор, свалил его на землю и давай его бить кулаками. Отец кричал: «Не бей, подлец!» Пришлось их растаскивать. Оправившись, старик стал еще пуще ругать сына, грозя рассказать всем, что он ничего не знает, а только знает прислугу Дуню держать за мягкие части.

На фоне германского наступления и отступления русской армии в Москве крайне популярными стали разговоры о шпионаже и немецком засилье в экономике и органах государственного управления. Досужие разговоры перешли в информационную кампанию в газетах «За Россию», «Время», «Вечерние известия». Вспышка холеры на Прохоровской мануфактуре, ныне Трехгорка, была расценена как немецкая террористическая акция.

26 мая 1915 года, в 6 часов вечера, владелец мануфактуры Прохоров звонит главному московскому полицейскому Адрианову: «Именем Бога, как гражданин и фабрикант прошу вас остановить движение толпы».

Генерал Адрианов отвечает: «Когда толпа идет с портретом государя императора и поет „Боже, царя храни”, разгонять не стану».

Пошел погром. Еще накануне распространялись листки с адресами немецких торговых фирм. Чайная на Дорогомилровке служила местом сбора особых дружин. Староста платил манифестантам по 3 рубля в день.

С утра 28 мая громят знаменитую аптеку Феррейна на Никольской. Там были найдены 80 литров спирта и тут же выпиты. Потом толпа направилась на парфюмерную фабрику Брокера, ныне «Новая заря», где производились самые популярные духи «Персидская сирень» и мыло «Народное», «Сельское» и «Национальное». В аптеке Келлера были выпиты даже настойки от паразитов.

К двум часам дня 28 мая толпа собралась на Красной площади.

На Красной площади толпа уже требовала отставки Николая, пострижения императрицы в монахини, а престол отдать главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. Потом погром пошел дальше по городу и перекинулся в пригороды. Это был первый в истории России нееврейский погром.

К вечеру разгромлены все немецкие магазины. Вытаскивали рояли и разбивали. Сметены нотные магазины на Петровке, Кузнецком Мосту и Большой Лубянке. Погибли рукописи поэта Бориса Пастернака, который служил учителем в доме крупного коммерсанта Морица Филиппа.

Полиция нигде не препятствует погромщикам, а иногда и возглавляет банды. На Мясницкой видели какого-то крупного чина, когда рядом выбрасывали вещи с третьего этажа. Были убийства. На фабрике Шредера выволокли хозяина, жену и двух детей – истерзали и голыми утопили в канаве.

Заодно убили двух русских подданных, голландок по происхождению. На винных складах Генке прибывшей полицией были обнаружены 32 убитых в пьяной драке.

У Арбатских ворот погромом были заняты человек тридцать. Вокруг стояла толпа в несколько сот человек и смотрела. На Тверской дамы в шляпках подбирают разбросанные куски шелка. Усиленно охранялась Марфо-Мариинская обитель – в народе пошла слухи, что у великой княгини Елизаветы Федоровны, создательницы обители, найден подземный телефон для связи с немцами.

Елизавету Федоровну называют не иначе как Лизка – даже швейцар в доме генерал-губернатора.

В роли участников погромов видели университетских студентов.

Потом перестали разбирать, где немецкое, где русское.

На фабрике «Скорород» погромщиков пытались остановить, говорили, что фабрика-то русская. Погромщики отвечали: «Знаем, да больно обувь хороша».

Через три дня войска стали разгонять погромщиков. Оружие было применено впервые в Камергерском переулке, напротив Художественного театра.

На время погромов пришлось недолгое генерал-губернаторство в Москве князя Феликса Юсупова-старшего, отца Феликса Юсупова-младшего, будущего убийцы Распутина. Надо сказать, он предпринимал личные попытки усмирить толпу, выезжая на коне в сопровождении двух казаков. Действие, очевидно, бесстрашное, но нерезультативное. Тогда генерал-губернатор Юсупов, он же командующий Московским военным округом, принимает решение: «Единственный возможный способ успокоения русских людей заключается в удалении всех немцев из Москвы и запрете их перехода в русское подданство».

На семейных фотографиях генерал-губернатор Юсупов в белом кителе чрезвычайно похож на Сталина. Это случайное сходство. Князь Юсупов, по линии жены граф Сумароков-Эльстон, сын внебрачного сына прусского короля Фридриха Вильгельма IV. Хоть князь Юсупов и очень похож на Сталина, ему, внуку Фридриха Вильгельма, вроде не пристало высы-

лать немцев. К тому же подобная невыдержанность неожиданна для князя Юсупова. Сохранилась еще одна редкая фотография. Замечательный русский художник Валентин Серов в родовом подмосковном имении жены Юсупова Архангельское рисует голову любимой лошади князя. Только голову лошади. Но с какой выдержкой, вытянувшись, при полном параде стоит на коврике князь и держит свою лошадь! И очевидно, что стоит так не пять минут.

Немцы из Москвы высланы не были, но немецкие погромы в Москве, по оценке французского посла в России Мориса Палеолога, свидетельствовали о готовности России к бунту против всего лежащего за ее западными границами. Кроме того, невероятное озлобление, свободно разлившееся по Москве в мае 1915 года, было первым симптомом года 1917-го.

11 июня 1915 года военный министр Сухомлинов, начинавший войну, был отстранен от должности. Затем он был отдан под суд по обвинению в государственной измене, а также за злоупотребления служебным положением.

11 июня, в день отстранения от должности, Николай направляет Сухомлинову послание:

«Дорогой Владимир Александрович! Интересы России и армии требуют Вашего ухода в настоящую минуту. Сколько лет проработали мы вместе, и никогда недоразумений у нас не было. Благодарю Вас сердечно за всю Вашу работу. Господь с Вами. Искренне уважающий Вас, Николай».

По словам председателя Госдумы Родзянко, Распутин рассказывал:

«Приезжаю в Царское Село и вижу, папашка (то есть государь) сидит грустный. Я его глажу по голове и говорю: „Что грустишь?“ Он говорит: „Все мерзавцы кругом. Сапог нет, ружей нет – наступать надо, а наступать нельзя”».

По словам того же председателя Госдумы Родзянко, Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич сетовал: «Я еще в январе говорил, что не могу воевать без снарядов, без винтовок и без сапог».

Помимо неспособности обеспечить армию, Сухомлинову вменялась связь со шпионской группой, которую возглавлял жандармский полковник Мясоедов. Вина Мясоедова окончательно доказана не была, но он был спешно повешен. Сухомлинов оказался в Петропавловской крепости. Распутин никогда симпатии к Сухомлинову не испытывал, тем не менее неожиданно озаботился его здоровьем и начал причитать: «Генерала Сухомлинова надо выпустить, чтоб он не умер в темнице, а то неладно будет. Выпустить узника – значит возродить грешника к праведной жизни».

Вскоре Сухомлинова из крепости перевели под домашний арест. Сухомлинов отрицал виновность в измене, высказывал надежду оправдаться перед судом, знал, что за него хлопочет Распутин по просьбе жены. Про жену свою Сухомлинов говорил, что главный недостаток ее заключался в удивительной красоте и грации, на что даже царь обратил внимание. Распутин тоже обратил внимание на Елену Сухомлинову. Домашний арест ее мужа, генерала Сухомлинова, во всех смыслах был тому удачным свидетельством.

Кроме того, Распутин оказывает содействие жене государя-императора.

С помощью близких к нему банкиров он обеспечивает императрице надежный канал, по которому она имеет возможность во время войны оказывать денежную помощь своим бедным гессенским родственникам в Германии, которых кайзер Вильгельм в грош не ставил и которые платили ему ненавистью.

Еще в 1911 году две дамы, а именно императрица Александра Федоровна и великая княгиня Анастасия Николаевна, дочь черногорского короля Николая, поругались. После ссоры Анастасия Николаевна, которая привела в свое время к Александре Федоровне Распутина, немедленно Распутина возненавидела.

Муж Анастасии Николаевны великий князь Николай Николаевич, Верховный главнокомандующий с начала войны, также немедленно разлюбил Распутина и даже начал умолять царя прогнать, как он выражался, «гносного мужика».

Из этого ничего не вышло. Распутин затаил месть.

Неудачи русской армии дали Распутину повод удовлетворить старую злобу, и 23 августа 1915 года великий князь Николай Николаевич был снят с должности Верховного главнокомандующего. В тот же день государь собственным указом назначил себя на освободившуюся должность.

Накануне подавляющее большинство членов Совета министров подписали коллективной протест против отставки Николая Николаевича. По мнению одного из подписавшихся:

«Мы сидим на бочке с порохом, и нужна единственная искра, чтобы все взлетело в воздух, принятие императором командования – это не искра, а целая свеча, брошенная в пушечный арсенал».

Другими словами, Николай не стратег и не тактик, а кроме того, его пребывание в Ставке будет означать, что управление страной будет заброшено окончательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.